00047598

ARBEITEN UND TEXTE ZUR SLAVISTIK · 17
HERAUSGEGEBEN VON WOLFGANG KASACK

Владимир Казаков

С Л У Ч А Й Н Ы Й В О И Н

Стихотворения 1961 - 1976

Поэмы · Драмы · Очерк >Зудесник<

1 9 7 8

München · Verlag Otto Sagner in Kommission

Vladimir Kazakov, der in Moskau lebende Vertreter der modernen russischen absurden Literatur, ist bisher durch zwei Bücher bekannt - "Moi vstreči s Vladimirom Kazakovym" (1972) und "Ošibka živych" (1976). Die vorliegende Zusammenstellung rundet die Repräsentation seines Schaffens wesentlich ab, denn sie enthält neben dramatischen Szenen erstmals Kazakovs Lyrik, diese sogar vollständig für den Zeitraum von 1961-1976. Ich danke Herrn Bertram Müller, der das Vorwort schrieb, für seine Mithilfe bei der Redaktion, und Frau Karin Bruns M.A. für die Herstellung der Druckvorlage.

W. K.

Vorwort von Bertram Müller

Als Manuskript vervielfältigt
Alle Rechte vorbehalten

Gesamtherstellung Walter Kleikamp . Köln
ISBN 3-87690-144-8

78/8994

00047598

ЗАГАДОЧНЫЙ МИР ВЛАДИМИРА КАЗАКОВА

О своём учителе, футуристе Алексее Кручёных (1886-1968), Владимир Казаков пишет: "Многим недоступен Кручёных: теперякам и нетеперякам, поэтам и непоэтам. Но главное, что его поэзию любили Хлебников, Маяковский, Пастернак, Хармс и Введенский. Главное, что его поэзию люблю я."[1] В этом отзыве отражается творчество самого Казакова. Тексты, собранные в этой книге, восполняют представление о Казакове, которое мог себе сделать читатель на основе его прежних публикаций.[2] Однако и тем, кто ещё не знаком с творчеством Казакова, эта книга поможет составить себе представление о его мастерстве.

Данное издание содержит все стихотворения и поэмы Казакова, кроме того: шесть избранных драм, один очерк о Кручёных и шесть рисунков, сделанных самим автором. Бóльшая часть собранных в этом издании произведений до сих пор не опубликована. Некоторые тексты были уже выпущены на русском языке,[3] остальные имеются в немецких переводах,отчасти в виде радиоспектаклей.[4]

В то время, как Казаков, живущий в Москве, в Советском Союзе официально замалчивается, на Западе его произведения вызвали преимущественно положительные отклики. Журнал *Континент* и газета *Русская мысль* высоко оценили его роман *Ошибка живых*.[5] Кроме того, появились рецензии во всех важных

---

[1] См. стр.207

[2] До сих пор были напечатаны и переданы по радио: *Мои встречи с Владимиром Казаковым*. Проза. Сцены. Исторические сцены (1967-1969). Мюнхен 1972. *Ошибка живых*. Роман. Мюнхен 1976. *Зудесник*. Передача радио Би-Би-Си, 31 мая 1976. *Три стихотворения*. В журн. *Современник. Журнал русской культуры и национальной мысли*. Торонто 1977. 33-34. стр.109-111. *Рисование.Наступление весны.Окно.Полдень*. В журн. *Современник*. Торонто 1977. 35-36. стр.218-221.
Переводы: *Meine Begegnungen mit Vladimir Kazakov*. Prosa, Szenen. Aus dem Russischen von Peter Urban. München 1973. *Das Tor*. В журн. *ZET 2. Das Zeichenheft für Literatur und Graphik*. Heidelberg, Juni 1973. стр.9-13. *Sechs Dramen*. Aus dem Russischen von Peter Urban. Передача Süddeutscher Rundfunk 11 апреля 1974.

[3] *Зудесник, Три стихотворения (Репетиции, Выставка мод, Вечерняя служба) и Рисование, Наступление весны, Окно, Полдень*. ср. примеч. 2.

[4] *Врата (Das Tor)* и *Окна, Отражения, Тост, Изваяния (Sechs Dramen)*. ср. примеч. 2.

[5] *Владимир Казаков. Ошибка живых* (рецензия). В журн. *Континент. Литературный, общественно-политический и религиозный журнал*. Париж 1976. 10. стр.409-410. А. Костин, *Преодоление разрыва. О романе Владимира Казакова "Ошибка живых"*. В газ. *Русская мысль*. Париж, 22 июля 1976.

00047598

газетах, выходящих на немецком языке.[1] Казаков был уже тоже включён в справочник русских современных писателей.[2]

Жизнь Казакова полна приключений. Родился он в Москве 29 августа 1938 г. В 1955 г. он закончил среднюю школу. Затем он поступил в военное училище, из которого однако в 1956 г. был исключён. Вслед за этим он поступил в гуманитарный институт, из которого его в 1958 г. опять исключили. В последующие четыре года он работал на Колыме: промывальщиком золота, учителем у кочевых чукчей, плотником, кочегаром, лесорубом, матросом и наконец взрывником. Возвратившись в Москву, он первое время слонялся по улицам города и стал в итоге профессиональным игроком. В 1965 г. он начал писать. В следующем году он познакомился с Кручёных. Это знакомство оказало чрезвычайно положительное влияние на творчество Казакова. С того времени он полностью посвятил себя литературе, занимаясь лирикой, прозой, драмами, и позднее также вопросами религии. В 1972 г. Казаков был крещён по обрядам Русской Православной Церкви. Основой для его материального существования служит пенсия.[3]

Для литературоведения творчество Казакова значительно по двум причинам: с исторической точки зрения Казаков по-своему продолжает художественные старания футуристов и обэриутов; в рамках же современной литературы Казаков заслуживает внимания как своеобразный русский представитель нереалистической литературы, подобно тому, как Джеймс Джойс, Самуел Беккетт, Эжен Ионеско и другие создали этого рода литературу на Западе.

От футуристов, в особенности от Хлебникова, Казаков унаследовал тенденцию к мистификации, от обэриутов - некоторые стилистические приёмы. Группа *Обэриу* (*Объединение реального искусства*), основанная несколькими

---

[1] Между прочим: K. Borowsky, *Zerfallsprodukt. Vladimir Kazakovs neuer Roman.* В газ. *Frankfurter Allgemeine Zeitung* 30/31 марта 1974. L. Harig, *Ein linksgedankliches Ufer. Zu Vladimir Kazakovs Prosa und Szenen.* В газ. *Süddeutsche Zeitung* 16 ноября 1972. H. Heissenbüttel, *Der "Idiot" stand Pate. Sowjet-Literatur ohne Klischee.* В газ. *Deutsche Zeitung* 1 марта 1974. W. Kasack, *Absurder Samisdat. Ein neues Buch von Wladimir Kasakow.* В газ. *Neue Zürcher Zeitung* 14 августа 1974. S. List, *Im Blutregen. Vladimir Kazakovs Roman "Der Fehler der Lebenden".* В газ. *DIE ZEIT* 11 января 1974. Th. Rothschild, *Verspätete Avantgarde. Vladimir Kazakovs zweites Buch in deutscher Übertragung.* В газ. *Frankfurter Rundschau* 4 сентября 1974.

[2] W. Kasack, *Lexikon der russischen Literatur ab 1917.* Stuttgart 1976. стр.168.

[3] Ср.: В. Казаков, *Автобиография.* В кн.: В. Казаков, *Ошибка живых.* Мюнхен 1976. стр.201.

00047598

ленинградскими писателями, собралась впервые в 1926 г.[1] Выдающиеся представители этого кружка - Даниил Хармс (1905-1942) и Александр Введенский (1904-1941) - впервые создали в России так называемую литературу абсурда в том смысле, в котором это понятие используется в настоящее время на Западе.[2] От обэриутов Казаков, по-видимому, перенял и своё скептическое миропонимание, находящееся в противоречии, например, с пантеизмом Хлебникова.

В рамках современной русской нереалистической литературы имя Казакова следует поставить в один ряд с Геннадием Айги, Андреем Амальриком и Сашей Соколовым.[3] В отличие от Амальрика произведения Казакова в сущности своей далеки от политики.

Произведения Казакова изобилуют алогизмами всех разновидностей. Нередко в них встречаются антропоморфизмы и смешение восприятий, полученных от разных органов чувств. К тому же в них часто повторяются определённые мотивы, такие как - ночь, звёзды, дождь, бледность, молчание, смерть. В мире Казакова царят не порядок и уют, а хаос и угрозы. Постоянное применение алогизмов, создающих впечатление нереальности, указывает на относительность человеческого познания, полученного на основе логики, указывает на его зависимость от познающего субъекта. Общепринятые законы мышления ставятся под вопрос. Создаётся впечатление, что все художественные приёмы рассчитаны на одно - лишить читателя убеждённости в том, что действительность он понимает в смысле "вещи в себе" (Кант), что возможно было бы лишь вне пространства и времени; вместо этого в воображении читателя возникает мир, полностью исходящий из воображений автора, распоряжающегося своими собственными, отклоняющимися от нормы, правилами познания.

Если Р.В. Дуганов пишет, что "мир Маяковского - героический, мир Блока - демонический, мир Хлебникова - божественный",[4] то можно добавить: мир

---

[1] Справка об *Обэриу*: А. Александров, *Обэриу. Предварительные заметки.* В журн. *Československá rusistika* 13 (1968). 5. стр.296-303. И. Бахтерев, *Когда мы были молодыми (Невыдуманный рассказ).* В кн.: *Воспоминания о Заболоцком.* Москва 1977. стр.55-85. W. Kasack, *Obèriu.* В кн.: W. Kasack, *Lexikon der russischen Literatur ab 1917.* Stuttgart 1976. стр.267-268.

[2] Ср.: M. Esslin, *The Theatre of the Absurd.* Harmondsworth 1968.

[3] Г. Айги, *Стихи 1954-71.* Редакция и вступительная статья В. Казака. Мюнхен 1975. А. Амальрик, *Пьесы.* Амстердам 1970. С. Соколов, *Школа для дураков.* Анн Арбор 1976.

[4] Р.В. Дуганов, *Проблема эпического в эстетике и поэтике Хлебникова.* В журн. *Известия Академии наук СССР, Серия литературы и языка.* т. 35 (1976) 5. стр.438.

00047598

Казакова - незаживающий. Это вытекает из определения искусства, сформулированного Казаковым на основе одного своего прозаического текста:[1] "Искусство - это незаживающий рай." Ассоциация со словом "рана" автором применяется сознательно. Цельный, замкнутый в себе мир существует по словам Казакова лишь в религии. Искусство же - и здесь он имеет в виду в первую очередь свои собственные произведения - это область, в которой никогда не может быть достигнуто абсолютной гармонии, т. к. извечные раны противодействуют такому состоянию. Через эти раны всё снова и снова извне проникает в этот мир непостижимая уму угроза. Именно эти раны мешают человеку воспринимать и объяснять мир как единое, гармоническое целое, которое, к примеру, включало бы в себя и феномен случайности.[2] Творчество Казакова из-за своей противоречивости и замысловатости представляется читателю загадкой; оно тем самым и указывает на загадочность мира, т. к. и мир у Казакова лишь частично поддаётся логическому объяснению.

О стихотворениях

Более глубокий смысл алогизмов сформировался в творчестве Казакова, по-видимому, лишь постепенно. В его ранних произведениях значимость алогизмов выражена ещё слабо. Это в полной мере относится к его первому стихотворению (без заглавия; стр. 16), написанному им ещё в 1961 г., т. е. ещё до того, как Казаков всерьёз начал заниматься литературной деятельностью. Это относится также и к последовавшим стихотворениям: *Репетиции*, *Выставка мод* и *Вечерняя служба*, написанных в 1966 г. (стр. 17-19). В предисловии к публикации этих трёх стихотворений в канадском журнале *Современник* указывается на то, что эти стихотворения написаны под сильным воздействием традиций Хлебникова, молодого Маяковского и молодого Заболоцкого и что с современной точки зрения они представляют собой своего рода "устаревшее новаторство".[3] Эффект ранней лирики Казакова часто обусловлен комичностью определённых словосочетаний и ситуаций. В стихотворении *Птица* (стр. 20),

---

[1] В. Казаков, *Незаживающий рай*. В кн.: В. Казаков, *Мои встречи с Владимиром Казаковым*. Мюнхен 1972. стр.41-70.

[2] Феномен случайности - одна из главных тем в творчестве Даниила Хармса. Ср.: Д. Хармс, *Избранное*. Edited and introduced by George Gibian. Würzburg 1974. И в творчестве Александра Введенского, особенно в его драме *Елка у Ивановых*, феномен случайности играет важную роль. Ср.: А. Введенский, *Избранное*. Herausgegeben und eingeleitet von Wolfgang Kasack. München 1974.

[3] *Современник*. Торонто 1977. 33-34. стр.109.

00047598

например, речь идёт об одном "вечернем министре фонарных дел", в стихотворении *Пленник* (стр. 21) рассказывается о том, как один вор запутался в "живой изгороди кустов" и при этом страннейшим образом знакомится с девушкой. Уже совсем не весело, а наоборот мрачно и угрожающе по сравнению с ними предстают события в *Вечерних сумерках* (стр. 42), написанных в 1967 г. В этом стихотворении уже встречается множество ключевых слов,таких как: окно, крыша, стена, сумерки, ночь, лёд, страх, фонарь, мёртвый, которые затем повторяются в более поздних произведениях Казакова. В заглавии к этому стихотворению заключено представление о мраке, за которым всё же нет того яркого света надежд на лучшую потустороннюю жизнь, как это имело место в произведениях немецких романтиков.

Особый интерес для литературоведения представляют те стихотворения Казакова, в которых частично затронута творческая проблематика писателя. В стихотворении *Роман в стихах писать я начал...* (без заглавия, стр.64) лирическое я иронически комментирует самого себя: "какое странное начало!/ какой решительный конец!/ стена в кирпичный рот кричала/ вдали стоял Дюма-отец". Здесь проявляется желание освободиться от шаблонов традиционной поэзии, представителем которой мог быть и Дюма-отец. Если бы спросить Казакова, почему он здесь упоминает именно Дюма-отца, то он бы наверно ответил: из-за рифмы, т. е. по эстетическим причинам. Его творчество исходит из подсознания; объяснения к высказываниям в своих произведениях он давать не может, но охотно ссылается на источники, побудившие его написать отдельные эпизоды.

Другое стихотворение Казакова *Зимняя ночь* (стр.67) даёт возможность заглянуть в творческую мастерскую поэта: "пишись, пишись моя поэма!/ ходи бездумное перо!/ сижу таинственно и немо/ про что писать не знаю про". Во второй строфе он продолжает: "толпятся странные виденья/[...]/ брожу один средь приведений". Последние две строчки этого четырёхстрофного стихотворения передают душевное состояние поэта, завершившего своё произведение: "опять божественное снится/ с стихами дивными проснись!" В произведениях Казакова, созданных исключительно на основе интуиции, находит своё подтверждение теория стихотворения, выработанная в период романтизма.

Во многих стихотворениях Казакова явно выявлена его любовь к истории, в особенности к 18-ому и 19-ому векам. Об этом свидетельствуют, к примеру, стихотворения: *Импровизация на тему: отцы и дети* (стр. 68-69), *Провинциальный бал* (стр. 75-77) и *Смерть князя Потёмкина* (стр. 87).

00047698

История, по словам самого Казакова, была единственным предметом, которым он интересовался в школе.

В стихотворениях, написанных после 1969 г., критическое недоверие Казакова по отношению к логике выражено гораздо сильнее, чем в его более ранних стихах. Наиболее явно противостоят привычным представлениям читателя о литературе, в особенности советского читателя, воспитанного в первую очередь на примерах реалистической литературы, следующие стихотворения: *Таблица умножения* (стр. 83), *Барбадосско-русский словарь* (стр. 88), *Прекрасное зачёркнутое четверостишие* (стр.90), *Стол* (стр.91), и *Отторжение* (стр. 92). Математика, как наука, основанная исключительно на законах логики, в *Таблице умножения* сводится, к бессмысленнице, к абсурду, по той причине, что из двенадцати задач одиннадцать решены неверно, а двенадцатая - не решена. *Барбадосско-русский словарь* представляет собой перечень одиннадцати слов и двух чисел какого-то фиктивного барбадосского языка с их переводом на русский язык. Эти выдуманные барбадосские слова являются очевидным намёком на неологизмы Кручёных. Кульминационный пункт этого перечня представляет перевод барбадосского числа 480 на русский язык числом 13; мало того, число 13 того же барбадосского языка переведено числом 485. В равной степени странным кажется и стихотворение *Прекрасное зачёркнутое четверостишие*, состоящее из четырёх зачёркнутых, и по этой причине неразборчивых строк. Стихотворение *Стол* вообще-то и нельзя назвать стихотворением; оно состоит из слова "стол" и одного рисунка, изображающего, перевёрнутый на 90°, стол. Стихотворение *Отторжение* ещё менее доступно разумно-логическому подходу. Начинается оно следующими строчками: "Вопрос: сколько?/ ответ: никуда". Налицо явный отказ от логики.

Стихотворение *Алёше Казакову* (стр. 96), имеет реальную подоплёку: Алексей Казаков является братом Владимира Казакова. В момент создания стихотворения он был ещё живописцем, но потом он бросил живопись и ушёл в монастырь. Его, в большей части, абстрактные произведения свидетельствуют о необыкновенном таланте. Многие из его картин находятся в Западной Германии, у писателя Генриха Бёля, который, будучи в Москве, встретился с Владимиром Казаковым. До сих пор его картины ещё ни разу не были показаны на выставке.

Сравнивая одно из последних стихотворений Казакова *импровизация...* (без заглавия, стр.102-103), написанное в 1976 г., с его первым стихотворением, можно отчётливо проследить его развитие от эпигона Хлебникова к самостоятельному лирическому поэту. С формальной точки зрения стихотворение

00047598

Импровизация... отличается от традиционной лирики тем, что в ней отсутствует перенос в конце строки. Неопределённость содержания первых его стихов сменяет серьёзный тон, создаваемый большим количеством мотивов, указывающих на метафизический характер стихотворения,таких как: крыша, молчание, дождь, ливень, холод, ночь, тишина, звёзды, окно, небо, вечер, смерть.

О поэмах

Некоторые из выше указанных метафизических мотивов встречаются и в поэмах Казакова. Выводы, сделанные на основе сравнения его ранних поэм *Монастырь* (1966 г.),*Горшки* (1967 г.), *У окна* (1967г.) с *Кавказским корпусом* (1977 г.), весьма схожи с заключениями, к которым мы пришли при анализе его стихотворений. Первые три поэмы созданы ещё под сильным влиянием Хлебникова. В них царит атмосфера загадочности и мистики. Однако при этом, изображаемый мир предстаёт здоровым, неуязвлённым или - выражаясь словами Дуганова - "божественным". Это подчёркнуто также почти всегда соблюдённым размером стиха и традиционной техникой рифмы. Всё это иначе выглядит в *Кавказском корпусе*. Эта поэма, помимо прочего, уже тем отклоняется от традиций своего жанра, что написана в форме диалога. Так же, как и в новейшей лирике Казакова, в этой поэме отсутствует перенос в конце строки. Вместо традиционной конечной рифмы применяется внутренняя рифма или же она вообще опущена. Произведение богато алогизмами как в идейном, так и в языковом планах. Время от времени автор задумывается над тем, как возникает поэтическое произведение; так, например, на стр. 131 можно читать: "он прав, что с рифмой распрощался,что стал гораздо более современным." Основной темой, однако, является жизнь в военное время, на что указывает заглавие поэмы. Тема раскрывается весело, радостно, почты опереточно, но эта атмосфера приподнятого настроения всё вновь и вновь прерывается ночью, молчанием и печалью. *Кавказский корпус* содержит четыре иллюстрации: "автопортрет" (стр. 128), "зондербург-стрелицкий" (стр. 134), одно предложение, написанное автором от руки (стр. 142) и "Матрёшечка в голубом" (стр. 145). Предложение, написанное от руки, напоминает о том, что в 1936 г. Александр Введенский читал Алексею Кручёных в его квартире свои стихи. В другом месте - в одном из писем - Казаков цитирует одного из свидетелей этой встречи: "Александр Введенский, которому была свойственна ирония отчаяния, который никого на свете не признавал, в присутствии Алексея Кручёных держал себя почтительно, почти робко, словно гимназист приготовительного класса." В другом письме Казаков описывает своё личное отношение к Введенскому следующими словами:

00047598

"А. Введенский чувствовал себя Иоанном Предтечей в литературе. [...]. Действительно, Введенский в своих работах иногда почти вплотную подходил к моей прозе. И я действительно считаю его своим предтечей."

О драмах

Драмы, собранные в данном издании, являются составной частью неопубликованной книги Казакова *Врата* (1976 г.). В этой книге собрано тринадцать недатированных драм, написанных в 1970-1974 годы и расположенных в хронологическом порядке. Для данного издания шесть из них были выбраны Казаковым вместе с автором предисловия. Драма *Врата*, послужившая заглавием для одноимённой книги, относится к самым радикальным и оригинальным текстам Казакова. Логическая связь в ней полностью нарушена, ещё в большей мере, чем в "театре абсурда" на Западе. Так, например, сцена выступает в качестве действующего лица; люди, вместо того, чтобы приветствовать друг друга, приветствуют самих себя; а пожарник, который обычно дежурит за сценой, требует: "чтобы фамилию пожарника помещали на афишах сразу после фамилии автора. Например: драма "Севильский цирюльник", автор - Лонгфелло, пожарник - Валерий или Василий Фёдоров, и т. д."(стр. 148-149). И в драме *Врата* встречается мотив "раны", из которой исходит угроза: "Я поранил себе горло остриём во время бритья... Не мешайте мне смотреть, как зеркало истекает кровью..." (стр. 155)

Подобное свойственно и драмам: *Окна, Отражения, Тост* и *Изваяния*, уже передававшимся по южно-германскому радио.[1] В них отражён типичный для Казакова мир,о котором переводчик Петер Урбан сказал в предисловии к радиопередаче: "Этот мир как-то странно строг, стеклянен, и холоден. Он состоит в основном из камня, железа и стекла. К его инвентарю относятся каменные стены, стены домов, крыши домов, окна, зеркала и часы - всё это поставлено в один ряд и на равноправные начала с человеком. Измеряются связи, преломления, углы и колебания, возникающие между этими объектами благодаря воздуху, свету и прежде всего благодаря времени, времени, разумеется, не тождественному тому, которое показывают часы; это то время, которое не поддаётся измерению в минутах и секундах при помощи часов, время - в котором прошлое, настоящее и будущее сливаются в одну доминирующую одновременность. В этой одновременности действуют люди или персонажи, передвигающиеся как сюрреальные куклы или как вообще бестелесные существа [...]."[2] Не только персонажами,

[1] См. стр. 5, примеч. 2
[2] См. стр. 5, примеч. 2

00047598

как Екатерина Васильевна, Мелик-Мелкумов, Острогский и Пермяков, но и многим другим драмы Казакова походят на его роман *Ошибка живых*.

Драму *Случайный воин*, с приложенным к ней рисунком, Казаков посвятил своему другу, поэту Сергею Салтыкову. Её название, в основу которого легла инверсия выражения "военный случай" (стр. 200), послужило по воле автора заглавием для данной книги. Инверсия - это один из типичных для Казакова приёмов: вещи он переворачивает, ставит их вверх дном, в итоге чего нормальное состояние является всего лишь одним из многих возможных случаев, т. е. понятие нормальности становится относительным. Одна единственная фраза в *Случайном воине*: "Много причин, но ещё больше беспричинности" (стр. 197) характерна для всего творчества Казакова.

Об очерке *Зудесник*.

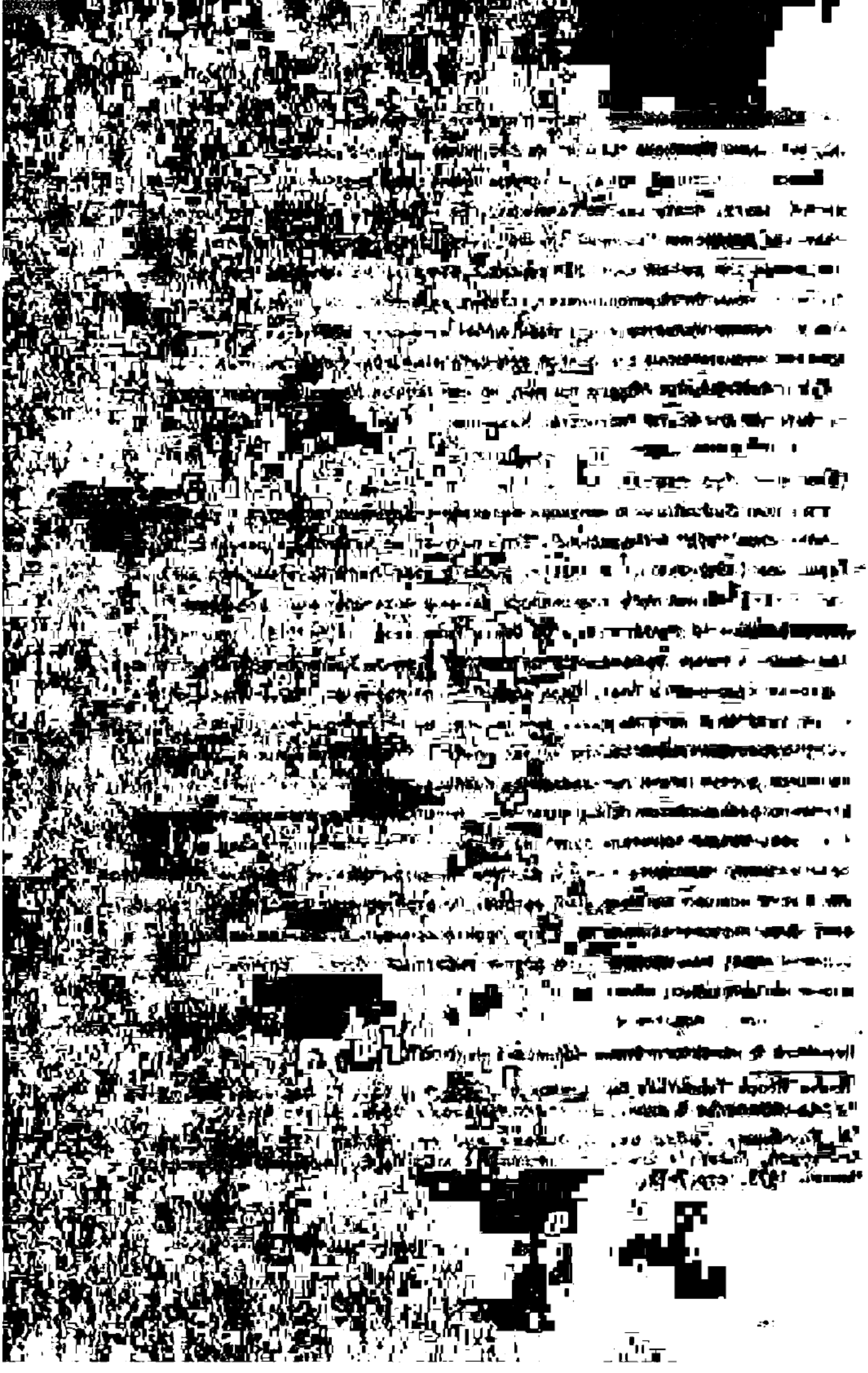
Заглавие *Зудесник* к мемуарам Казакова о Кручёных является неологизмом на основе слов "зуд" и "чудесник". Его придумал не Казаков, а режиссёр Игорь Терентьев (1892-1941).[1] В 1922 г. вышла в свет книга Кручёных под заглавием *Зудесник*.[2] В ней то и содержалось заумное четверостишие Терентьева, озаглавленное: *О Зудеснике*. Об Ольге Розановой (1886-1918), упомянутой Казаковым в конце *Зудесника*, он говорит в одном из писем: "Ольга Розанова, чудесная художница и поэт, была возлюбленной Кручёных. Но жениться на ней он не захотел - чего мы [...] ему никогда не могли простить." Очерк *Зудесник*, характеризующий своего автора почти в той же мере, как и Кручёных, является доступнейшим произведением Казакова. Остальные же тексты лишь постепенно раскрываются перед читателем. Имеются разные возможности понять Казакова. Каждый читатель будет рассматривать произведения Казакова с другой перспективы, подходить к ним с другими предварительными знаниями. Эта многозначность исходит из намерений автора. По этой причине предисловие способствует лишь первому знакомству с его произведениями. Произведения Казакова в большей мере, чем произведения других писателей обретают совершенство в сознании читателей.

Бертрам Мюллер

Перевела с немецкого Елена Корнеевна Нейфельд

[1] Позже Игорь Терентьев был близок к обэриутам. Ср.: Г. Федоров, *Вокруг и после "Носа"*. В журн. *Советская музыка* 1976. 9. стр.41-50.

[2] А. Кручёных, *Зудесник. Зудутные зудеса*. Москва 1922. Ср.: V. Markov, *Kručenych, Russia's Greatest Non-Poet*. В кн.: А. Е. Кручёных, *Избранное*. Мюнхен 1973. стр.7-12.



00047598

СТИХОТВОРЕНИЯ

00047598

* * *

весна -
и прошлогодняя трава
и прошлогодние остроты
кругом.
сосульки повесили носы.
моя душа гостеприимна
как скворешник.
гонимая зима
в отчаяньи забилась
в лоток с мороженым.
чириканье поэтов
изменивших ей.
и оживают твари
замёрзшие под зимним
бутафорским
солнцем

1961 г.

00047598

РЕПЕТИЦИИ

озябший цирк, тяжёлый топот,
слоны ушами вечеров
собачий лай, собачий шёпот
взметают взмахом вееров.
и слово медное "горим!"
пожарник бровью напевает.
с лица медведя хмурый грим
язык хлыста слизать желает.
наездниц розовая жажда
пронзить носком круп иноходца.
по своему канату каждый
бредут толпой канатоходцы.
морскими львами зацеловано
лицо холодных белых суток,
его хромой от счастья клоун
разрисовал бровями шуток.
то в землю упирая взгляд
то воздевая к небу руки
там фокусник морщин обряд
прикрыл чалмой индийской скуки.
двугорбый смысл придавший дню
верблюд замкнул арены круг.
и славу жёлтому огню
творят жонглёра кисти рук.
там синий почерк "право, жаль!"
печальный вздох рабы "раба ты!"
и хищник взглядом провожал
прыжки усталых акробатов

1966

00047698

ВЫСТАВКА МОД

разбужен рот - побег лица.
ухмылка губ - погоня дрожи.
и пальцы ловят беглеца
с него содрать живую кожу.
поводырями в слепые страны
дрожащих пальцев тянулась голь.
пальто надето на голые раны
надето прямо на голую боль.
и ледникам пути походов
седых костров укажет дым.
там в горах каменных народов
зияют трещины вражды.
весну крестил священник - год,
шурша зерном прозрачных чёток.
на выставке весенних мод
тюрьма во всей красе решёток.
туч имена - над именами гор,
и гром звучал как имя тучи,
и ледников седой укор -
названья гор сползали с кручи.
висок горы опять заиндевел,
лишь ночь шепнула слово "холод",
и вот по небу звёздной Индии
бредёт-ползёт созвездье Голод.
о, губы! зверь ринется
приказом хлыста.
усмешек зверинец
улёгся, устав

1966

00047598

ВЕЧЕРНЯЯ СЛУЖБА

водосточные трубы - оборотни
дождём полощут горло жести.
темно и душно в подворотнях,
там воздух цвета мокрой шерсти.
как прядь волос за ухом чуда,
томится каменная знать.
косого почерка причуда -
в письме дождя есть буква ять.
гнал ветер тучи на убой,
усы обвисли слов "норд-вест",
и на тесёмке голубой
висел дождя нательный крест.
тоска пружин, зевота двери,
подъезд крестил беззубый рот,
в ручьях босой по пояс деверь
пускал кораблики острот.
а дождь неловким акробатом
пошёл по скверам на руках,
шептали на ухо горбатым
зонты растерянное "ах!"
им клялся день в унылой дружбе,
псалтирь дождя - спина скитальца,
горбун спешил к вечерней службе
карманы полны болью пальцев.
и дождь, гребя утиной лапой,
с улыбкой скуки на устах
мочил поля безумной шляпы
и перьев страусовый страх

1966

00047598

ПТИЦА

в толпе протиснулась отвага
но тусклый блеск стального локтя
и шелест робкий и бумага
были лишь тень кривого когтя

чтоб успокоить им игру дал
вечерний министр фонарных дел
чтобы сияли грудь и груда
серебром звенящих тел

и даже чудился король
что в синей магии был первый
герба встревоженный орёл
клевал сквозняк чугунных перьев

.....
.....
.....
.....

узнав протягивает руку
на ней браслеты зеленью каналов
волну погнал прибой на муку
в игре мечта мечту догнала

и продевая вздох в петлицу
туман склонился за перила
и скрежетала клювом птица
она в себя свой взор вперила

1966

00047598

ПЛЕННИК

живая изгородь кустов
цепко схватила вора,
и он, удерживая стон,
кидал отчаянные взоры.
и точно: розовая дева
с румянцем дивного стыда
его спросила: "кто вы? где вы?
и как попали вы сюда?
эти кусты
сажал ещё покойный прадед..."
а на щеках пылает стыд,
и вор глядит, ушами прядет.
"покойник был эстет и барин,
и был из рода древних пчёл..."
меж тем, старался вспомнить парень,
какую книгу он прочёл.
"и он цветы любил до страсти,
летал, кружился и жужжал.
женившись на дворовой Насте,
тем вызвал гнев пчелиных жал.
теперь мы с мамой здесь на даче.
медовой памяти старик..."
а вор подумал: "вот удача!"
поправил реденький парик
и так сказал, осыпав куст,
его ещё державший крепко:
"ах, право, этот случай пуст!
просто моя вспорхнула кепка.
хотел достать, хотел поймать,
кусты доверчиво раздвинул..."
а в мыслях шлёт им ёту мать,
скроив обиженную мину.
а дева видит: вор красив,
немного худ, немного чёрен.

00047598

усов таинственный курсив
читает взор, стыдлив, проворен.
а вор парит в кустах, трепещет,
и дева юная пылает
и лишь одной не знает вещи:
спасти как пленника, не знает.
она стыда и красоты
была горячим дуновеньем.
и вор, качаясь, с высоты
взирал на деву с изумленьем.
позор и плен ему наскучил,
и он парил мрачнее тучи.
но цепки были сторожа.
под ним пылал стыда пожар,
то дева юная пылала,
и ветвь напрасным опахалом
её пыталась охладить.
а вор хотел и есть и пить,
и кой-чего ещё хотел,
ведь есть терпению предел.
лепечет дева про усадьбу
и про старинный особняк,
как рвалась к прадеду на свадьбу
его пчелиная родня,
и был ночной пчелиный праздник
с роями плящущих огней,
и он, тогда младой проказник,
считал круги старинных пней
и дедов спрашивал про годы
и что болит, к какой погоде,
и, наклонясь над тёмным ликом,
смотрел, как в мох стекает мёд,
и пень пьянел, жевал бруснику
и засыпал на целый год...
так дева долго лепетала.

00047598

увлекшись, втрое краше стала.
а вор в отчаяньи висел,
дивясь неслыханной красе

1966

00047698

ТЮРЬМА

огней - тьма
собаки сытые и злые
в ночь тюрьма
вздымает выступы крутые

решётки грозят небесам
этапы звёзд в пути заносит
отставших пуля косит -
ненужное мясо
сытым псам

1966

00047598

* * *

сказал себе, но не ответил, держа за
ставень облака. оттуда с клятвой рвал
ся ветер и сумрак резала река.
чем проще тем отважнее страница, вда
ли как коршун заплеталась птица, и
герб держал отточенных зверей, и бе
лый цвет чем твёрже тем белей.
в них время в лапах от когтей и стонов,
когда чугунный клюв пробивший темноту,
оно сверкнёт собой, огнём ночей не
тронув и выкованый век роняя в чёрный
дол

1966-77

00047698

ЛЕСОВИК

наколи-ка, парень, дров!
ты получишь стол и кров:
стол дубовый с чёрным хлебом,
кров еловый с звёздным небом.
я живу в лесу один -
хвойный царь и господин.
в бороде - седая сказка,
мне и месяц не указка.
видишь посох? он не прост,
это крёстный летних вёрст,
а зимой в углу у печи
сам с собой заводит речи.
во дворе стоит колодец.
дятел сумрак приколотит
к запоздалому стволу.
ну а ты садись к столу!
сумрак пеший, сумрак конный
тихо вешает иконы,
как далёкая гроза,
дарит елям образа.
лики с смуглыми чертами,
с скорбно-ласковыми ртами.
но сильна грибная ересь,
и, в еловом всём изверясь,
верят травам, верят мхам -
стеблям смуты и греха.
кушай мёд из диких сот!
угол посохом трясёт,
ночь несёт еловый образ,
я зажгу свечу, раздобрюсь.
будет смута, час неровен.
где темнеют лица брёвен,
пакля хмурая свисает,
кто-то пеший тень бросает,

00047698

тени тянутся к огарку,
угол тёмный, угол жаркий,
опершись на старый посох,
внемлет ночи тёплых досок.
пни - лесные звездочёты
завтра мне расскажут что-то:
как качнулось коромысло,
расплескалось сколько звёзд,
нет ли в том лесного смысла,
нет ли в этом хвойных вёрст.
может, посоху в дорогу
собираться понемногу?
поживи в моей избушке!
ты увидишь на опушке
свадьбы лунные грибные -
до утра звенят иные.
я в еловых сапогах
сам люблю плясать зимою,
пар клубится: ох! и ах!
на снегу теряю хвою.
а изба - из круглых брёвен,
и сугробы с крышей вровень,
и стоит еловый запах,
как сугроб на задних лапах.
а весной в моё оконце
зазвенит рябое солнце.
дать смотринам царским место!
это солнышко - жених,
себе выберет невесту
средь сосулек голубых.
только я успел к окошку,
а уж там горит кокошник,
слёзы блещут золотые,
девы юные стройны,
скачут ветры удалые
из весенней стороны.
а к свече, приветлив, смугол,

00047598

тянет руки тёмный угол,
мёдом древним и густым
пахнут соты темноты.
темень крестится, зевая.
на стене - смола живая.
брёвна дышут, печь белеет,
в тихих сотах мёд густеет,
угол внемлет лунным доскам,
а свеча с клюкой из воска
побрела углу навстречу,
где теплеет сумрак печи.
мы сейчас постелим сами
под еловыми часами.
время - кислые иголки,
за горою плачут волки,
и храпит лесная рать.
дай-ка, я свечу задую...
ты чего, сынок, задумал?
иль не будешь ночевать?

1966

00047598

ОКНО

бредёт окно ночное,
бредёт сквозь топи звёзд,
склоняясь над водою,
звеня о стебли вёрст.

в окне свет тусклый болен,
свеча бледна сквозь сон.
с бродячих колоколен
летит усталый звон.

в стекле дрожат соборы,
туман грозит перстом,
темно закрыв собою
златой порыв крестов.

бредёт окно далёко
с погасшею свечой.
отлит чугунный локон
и детское плечо

1966

00047598

ПОЛДЕНЬ

запах сирени прозрачен.
купол слепит облака.
плеск и веселие прачек
прячет в ресницах река.

полдень всё звонче и звонче.
колокол - бос и могуч -
дали лесные пророчит
с громом и песнями туч

1966

00047598

ЭТАП

идти босым - сама погибель.
ах, если б, если б сапоги были!
и ноги мёртвые грязь месят,
хрипит груди сырой колодец...

ступнями окровавленными месяц -
по колючей проволоке канатоходец.
раскалённая песня ржавых шипов,
вдаль натянута запёкшаяся босая тропа...

за спинами лютеет холод штыков,
карликовые деревья, как ветров черепа.
а за серым туманом проволочных пут
небо задумывает жуткий побег.
живые падают, мёртвые ещё идут:
человек человек человек человек

1966

00047598

МАГАДАН. ПОРТ

сквозь дым сигнал.
ревёт дитя в тумане.
ветер матросов погнал
гремя медяками в кармане.
шлак под ногами
что-то подошвам кричал.
на тёмные трубы на камни
карабкался срываясь причал.
и чей-то взгляд. на гамаке из тросов
качалися глаза, и к ним слезился шлак.
и в копоти дневной над спинами матросов
грудь разорвать себе не мог безумец - флаг

1966

00047598

ЧАСЫ

темень старела, лилась.
боя старинного власть -
тени пытать на стене,
взмахом устать и стереть

1967

00047598

НАСТУПЛЕНИЕ ВЕСНЫ

угрюмый милиционер
на стенд из красочных фанер
отбросил тень своей фигурой,
служа художнику натурой.
но вдруг, на свадебное небо
взглянув, скомандовал: "налево!"
весне, деревьям и местам
с прозрачным золотом креста.
его погоны голубели,
как две весны из колыбели.
и только кованый ручей,
по камню склизнув синей сталью,
ударил сапогом лучей
в лицо сугроб зимы усталый.
и снег /самец он или самка?/
зубами выбитыми шамкал

1967

00047598

ПРОГУЛКА В ПАРКЕ

из-под загадочных полей
её соломенно-старинной шляпы
был взгляд лесной воды светлей
на дне следа медвежьей лапы.

он ей сказал: "тогда повешусь
и посвящу вам эту смерть".
в её ж глазах - тоска по лесу:
"вы побледнеете посметь".

о, взгляд, тоскующий в неволе!
дождь-птицелов, пичугу на!
в силках осенних ни его ли
забились крылья чугуна?

1967

00047598

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ДОЖДЬ

теченье улиц деревянных
скорлупы утренних зонтов
несёт вдоль стен, где в окнах вянут
невесты, но поют зато.

город туманный и холмистый,
как взгляд индейского вождя,
сам на себя пошёл на приступ,
приставив лестницы дождя.

летит пожарная команда
дождь потушить, блестя водой.
под кровлей рухнувшей тумана
лежит раздавленно-младой

1967

00047598

ОФИЦЕР

офицер с двумя усами
сапоги и кабура
шпоры ржут и скачут сами
и ещё кричат "ура!"
на его зелёный китель
сама смерть сучила нити
глаз без промаха стреляет
бьёт без промаха сапог
плетью щёлкает играет
справедлив но очень строг

1967

00047598

* * *

осенний дождь полуослепший.
в лесу стоит промокший леший,
он безучастно дождик пьёт,
кругом сосна ему вздыхает.
пчела в дупле, где воск и мёд.
медведь не чует и не знает.
он от дождя бежит в берлогу,
его трава кусает в ногу.
жена, медведица, подруга,
о, жизнь дождливая! как туго!
достать картишки,
поиграть.
играют мишки,
дождь слыхать

1967

00047598

МАРИЯ

Мария, нет! никто не будет.
слеза на море просвистит,
чтоб за снастями рваных буден
взревел обрушившийся кит.

и, коль изба игрушек хочет,
скажи, чалму связав узлом,
что на дорогу вышел кочет,
жалея облака излом.

и люди, тронутые болью,
лицо шакала жадно пьют,
срывая с глаз мечту соболью
и рассекая тяжкий кнут

1967

00047598

ОСЕННЕЕ УТРО

то был бы окон и ветвей
увядший звон, дрожащий выход
и свет вечерних сыновей,
ушедших огненно и тихо.

в стеклянной памяти окна -
дождей размытыми гербами,
когда летит к ветрам одна,
стать далью с скорбными губами

1967

00047698

НАЧАЛО ВЕСНЫ

зрачок облокотясь
о лестницу лучей
где небом чиркая о крышу
усатый бомбардир
за облаком плечей
кирпичный гнев стены
повиснул и не слышен
и сидя помирала
зима увечных ног
и грохот с крыши изнемог
напомнит око
тяжёлой кладкою могил -
сквозь щёку щебет водостока
железной лестницей молил

1967

00047598

ВЕЧЕРНИЕ СУМЕРКИ

входите! видите, как тесно.
мы у окна поставим кресла,
ни людям не видны, ни крышам,
спокойно сядем и подышим.
но где же вы? исчез, негодный!
стена с тоскою новогодней.
глядь, пальцы камня оживают,
за горло сумерки хватают,
те, хрипло выпучив глаза,
о снежный корчатся базар.
ночь в треуголке и очках.
как лёд, за пазухою страх -
отнимут, стукнув побирушку,
её фонарную игрушку.
но что ж, один? плечам сутуло
мерцает лампа. спинка стула
затылок трогает, стуча,
как пальцы мёртвого врача

1967

00047598

* * *

вода встречает звук безглавый и рез
ко наглухо молчит.
ей отвечает дождь углами, свой отра
жая жёсткий вид.
а там другие дни сменясь другими дня
ми летят по воздуху как кровли с го
лубями.
и молний вынутых отъявленный ответ
листве разрубленной заканчивает
нет.
ей странно быть! ещё глаза об утре,
а уж карнизы отрывают день.
и ветер о камень бледнеет и тени зо
вёт на порог.
долго кивали ему, пока он очнётся от
рек.
здравствуйте! ваше крыло здесь не ва
ше очнулось.
конные встали, о шпорах буянит матрос.
и, сталь узнав, ей стремя вторит, и
даль о сигизмундах спорит.
ей этот вызов мил надбашенного срока,
он время наклонил и дышит одиноко

1967 - 77

00047598

НАБЕРЕЖНАЯ

как клюв и крылья ночи хмуры
бредущей сгорбленно фигуре!
о, звёзд вздымающийся стон!
конь-изваянье над мостом.
о тишину моста разбито
его чугунное копыто.
так каждый шаг ночному небу
и лошадиных звёзд воды
домов качает сонный невод,
и тяжелы его ходы

1967

00047598

* * *

ждёт утро, серея над кровлей,
и окнами меряет ровно
часть страха и чуда, надежды,
где стены не могут тяжёлые вежды
поднять

1967

00047598

КОРАБЛЬ

корабль бежит волной махая
на мачте выгнулась луна
и капитан без малахая
в себя кладёт бокал вина

команда видит и синеет
ей море грозное видней
со дна гудит голодный невод
а рыбы строятся на дне

и капитан и рыболовы
тресковой страстию горя
пропели много бы худого
когда б откашлять якоря

1967

00047598

ПРОГУЛКА

инвалид

мадмуазель, я вас слышу,
когда вы там, на крыше.
позвольте старому гвардейцу
в боях израненно надеяться
с вами по ночным карнизам пройтись,
где тёмные трубы и высь.
а то - один, и вечно слякоть,
и не с кем шпорами позвякать

девушка

пойдёмте, добрый старый воин,
возьмите славный ваш костыль!
недвижны звёзды, мир спокоен,
и летних кровель жар остыл.
пойдёмте тихо и небесно,
смотрите - там в конце луча
стена - кирпичная невеста
слезами звёзд блестит к очам.
и ночь железного покроя
себя утешить не велит.
и вьются звуки грозным роем,
и время вычурно звенит

1967

00047598

БАЛЛАДА

королева Испании молча одна
сидит у тоскливого окна
вдали Дон Педро машет шпагой
но скука ходит тяжким шагом

красавец-паж торча ушами
и в скуке вываляв лицо
взлетает на воздушном шаре
неся скрипучее крыльцо

подписан мир разбиты турки
ночь полна светом пленных звёзд
Дон Педро в кожаной тужурке
явился с войском во весь рост

и ночью казнь звенит отложенная
топор - лунатик по карнизам
и королевы дух встревожен
Дон Педры взглядами пронизан

1967

00047598

БЕГЛЕЦЫ

тихо холоду скажу
переплыв ветров межу
что по крыше три удара
иль струя кричала пара?
и о сваях грозен сказ
где стонали убивая
будто голову не раз
замечали что живая
нынче кто же? холод строже
сталь детёнышей тревожит
и у ног лежала цепь
он недвижен и беззвучен
и мечтали на лице
брови дня за далью тучи
завтра чёрным полотном
огибая мост и печень
ты всё грезишь об одном
но и я как свет беспечен
тихо странствую в дверях
говорю: "рождён из бреда"
предвкушая дымный крах
что несёт летя победа
выше колокол нагни!
пусть свирепствует вершина
что втыкает в небо дни
с диким оком армянина
этот холод был неправым
мы клялись устать и лечь
но сверкнувшая орава
упрекнула в небе течь
побежали в страхе тёти
голубей крестя узлом
вы меня во сне найдёте
резко вспыхнувшем и злом

00047698

выше зовы! ниже кудри!
в грудь лесам вонзая высь
стань другим но горе мудрым
что в лесах с дождём лились
будет час - его не будет
холод станет лёд и брат
и устало хлынут люди
к тишине осенних врат

1967

00047598

* * *

Мария
позвольте снова про любовь!
в последний раз с последней крыши.
в моих скрежещет жилах кровь.
вы тем небесней чем я выше.
с железных крыш бросаюсь вниз
потом свои сбираю кости.
меня оплакавший карниз
бредёт под дождь ржаветь от злости.
один из тыщи из немногих
он спит клюёт орлиным носом
его сквозь дождь недвижны ноги
и струи крыш стучащих косо.
его косматая невеста
звеня власами цвета брани,
из тучи лепит как из теста
рассвет страдальчески-неранний.
тот что держа в когтях добычу
парит чернеющим вопросом
чтоб хищный воплотить обычай
как сей карниз с орлиным носом.
но я, подняв рукой другою,
свой заслоняю сердцем щит.
и дождь разбрызганной ногою
костями топчет и хрустит

1967

00047598

ЛЕСНЫЕ РАЗВАЛИНЫ

опустите искры плена
с синим говором цепей
это двинулася пена
долю доверху испей!
только стукнули три раза
гром метался мимо глаза
от угрюмого пожара
побежали сёла прочь
обволакивая паром
заколоченную ночь
голубь смеха голубого
ты черней жука любого
не зови кривые лапки
спрятать вечером под лавки
так лицо холста светилось
за зубцами темноты
где струясь к ногам как милость
были твёрды и круты
только ближе глаз и губы
не ответить почему бы?
или ждать грозы и часа
древним золотом кичася?
или дать холсту названье
быть в тени лесных развалин?
и лицом к огню поближе
чёрным вздохом профиль лижет
ночью странною походкой
он качнулся вдоль небес
и легко бежала лодка
потеряв несчастья вес
и окну придвинув груды
предрассветным серебром
он заёрзал от простуды
колотя себя ребром

00047598

маки тёмные пылали
за несчастьями творца
и убого посылали
тучи на плечи дворцам
за свечой сидела полночь
и шептала тихо: "полно!
или золота иконы
до конца не хватит кона?
иль игра идёт за делом?"
угол скатерти задела
где темнел ресниц обычай
и сверкали без конца
тени делят как добычу
профиль бледного лица
это красный мак ухода
зеленеет как погода
гнали небо за порог
меж сердец вонзился рог
брызнув красными ветвями
он упал загублен вами
долгополым существом
зеленеет древний ствол
птицам гибель расстилали
и восторженны едва ли
хочешь мельком улыбнуться
голубой каймою блюдца?
там засада причитаний
и она звалася Таней
прутьям ивовой корзины
имя траурное Зины
деньги медные горбаты
всё бредут из хаты в хату
на развалинах святого
их молящихся не много
и темно упала ткань
злобно золото чекань!

00047598

лица шли своей дорогой
мимо долгого холста
кистью строгою не трогай
что казна росы пуста
но коснись ею три раза
возле крыл и возле глаза
чтобы тенями летело
задевая тихий звук
унося к вершинам дело
волоча кочевья мук
тихо зарево росло
за поклонами послов
повезли глаза-кибитки
как дымящуюся ось
и болото вея пытки
синим краешком зажглось
но хоромы умывая
в серебре лежит вода
и вчера ещё живая
ждёт за облаком суда

1967

00047598

* * *

Маня помнишь мы бывало
когда бегали детьми
что-то камню сонно стало
глыбой ляжет на пути
я бегу за мной девчурки
и за мною Маня ты
а собравшись у печурки
смотрим в книгу темноты

1968

00047598

* * *

ярый враг овечьей шерсти
во главе фонарных шествий
и стучат русалки крыш
стук холодный и хвостатый
ты же каменно молчишь
ливень возле грозных статуй

1968

00047598

КРУГОЛ

Алексею Кручёных

1

вперёд! пишите и молчите
подскажет слово ночь огня
в тоске свисающий учитель
стада оконные погнал
возле лампы керосиновой
сидела девушка красивая
вокруг неё стояли стены
окну трава пронзила грудь
она вдвоём недвижна с тенью
о том как птицы когда-нибудь
и брови и плечи и лампа свечи
стучат паутины стальные мечи
проснись! сними себя с порога
стучит копытами дорога
темнеет дождь в углу холодном
а рассвет окнами обглодан

2

шла крыша неся печально глаз
ночь из трубы плясала
я за спиной любил и прятался от вас
звёзд было тускло и мало
лопатки блестели дождя над
высокой трубою
угля каменный взгляд
сквозь ливни ваш поверьте взгляду вы
я косм летел седых боясь вдовы
она чертила миг ковшом ревнивых дум
а я не знал куда верхом иду

00047598

и нужен ли холоду голосом стар
что окнами хрипит на базар
другие страхи зеленели там
торговки мяукали и сверкали котам
крыши плясали на травах дождей
и не было крючьев слышно нигде
а в облаках к железу прятались мыши
старики поднимались винтами неба выше

3

хлестала за домом рука свежеет
как сторож и блок
чтоб старика и с ним и с жестью
ногу в туда по крыше поволок
из петли сняв простуду далеко
вновь прокатил глаза к углам бровей
стать кирпичи и каменно легко
в железном колене и горле чугунном
правей
стены и сын ступеней хрип дождя услышал
когда литых перил тоску дрожал на крышу
и ночи стонали железо коленей столбам
и тёмные капли и холод с чугунного лба

4

куда же ступенями вы
с кругом угла головы
на бритву бросаюсь
отточенным горлом трубы
я грохотал любовью по крышам
как ногти сдирали у железа шаги
провода израненных спин слышат
и в ухо рёвом ночи стен погиб
кто бежали ночь тесня огнём

00047598

и крики стен мы каменно согнём
то винт любви железной гайки до
которой дом и дождь хрипя водой
так далеко рубил железом вдоль трубы
на сваях стояла вода

5

так ночью стучу молотками железа
и лист громыхая по небу и трубы полезут
упав на грохочущие колени
то угол и с лестницы марш остывает истленья
спускаясь и вверх что не тычут трубой
я голос протиснуться в холод пустынной толпой
и за руку за ночь далёко ведя
она отставала о стенах теряясь и крышах меня

6

мимо стен и мимо неба низа
с зазубрин рта поют дожди с карнизов
вслед вдогонку летела спине
о великой расправа вине
и род наказан и будто брови хижин
небо над стенами тяжелее и ниже

7

я череп с лопатой земли
чтобы рёбра слезились чтобы глаза чтоб
фабричного неба сквозь ухо внемли
как лягут дышать сосной в гроб
и всё же
же всё
с неба уйдя
следы себя и жесть на себе вот

00047598

оставило сломав рычаг дитя
из внутренностей возя рукой живот
да грани упали в стекло в чтобы красные ноздри
вонзили железных заноз три

1968

00047598

* * *

вы помните ли вы
как я как был как молод
и в кузне головы
стучал раздумья молот
теперь же всё иначе же -
я пойман как когда ловил чижей

1968

00047698

* * *

весна!
стою к весне лицом.
на древке плещет рваный сон.
и солнце губы обжигая
пьёт из растаявших следов.
и песня юная другая
уже скрежещет в горле льдов.
ручьями цепи разбивая
ты торжествуешь над зимой
ты Маня блещешь ножевая
а я пронзённый но живой

1968

00047598

ПОЕДИНОК

любая мысль о стёкла бьётся, как мо
тылёк влетая в сон, и чёрный цвет в
гортань вернётся, немою клятвой ослеп
лён.
в ботфортах я стоял и думал, и отра
зился в тот же час: пóд пистолетным
хладным дулом зеркальный лес увидел
нас.
поляна отошла, слегка губя затишье.
от слова к слову туча пронеслась. и
лошади о нас храпели, чуть услыша,
столетней тишиной шурша о коновязь.
здесь судьбы с полднем расставались,
дымя как звонкое ружьё, и в небе пули
оставались делить невинное ничьё

1968 - 77

00047698

* * *

роман в стихах писать я начал
ну что ж начнём благословясь
закроем форточку - иначе
с подошв гремит трамваев грязь

итак роман итак в романе
орёл зазубренных небес
стучит в окно бездомной Мане
роняя перьев медный вес

какое странное начало!
какой решительный конец!
стена в кирпичный рот кричала
вдали стоял Дюма-отец

вперёд! я вздёрнул подбородок
и шпага голая в руке
и строй нахохленных бородок
в кровавой пенится реке

разбит испанский неприятель
ура! французское ура!
о как скрежещущ и приятен
крик королевского двора!

а в тёмном каменном тумане
блуждает птица до сих пор
и утро слепнет к бедной Мане
и крышу бьёт в железный горб

1968

00047598

* * *

кто ты что лицо с себя сдираешь
ты умираешь
он упал стонали далеко
всё было в осень босиком
ноги в божьих поцелуях
висел зари тяжёлый молот у
наковальни где могучую седину найду
и выйдешь ты грозя чугунною любовью
к виску меня стуча тяжёлой кровью
и мне тяжелее чем всаднику и чем коню
и я за шиворот себя как ночь звоню
к огню ведите нас к твоему огню и братьям
за мной несли мои они объятья
вижу порог и там камней скамья
небо железом молчит и там я

1968

00047598

МГНОВЕНИЕ

в одной из изб, в одном из окон
напротив неба и лучей
мелькнула прядь, качнулся локон
злато-задумчиво-ничей.

шаги неслышно прозвучали,
рука невидимо легла.
прекрасный лик, огонь печали,
к ресницам охнувшая мгла.

что это - солнца блеск на стёклах?
сугроба вывих голубой?
или в сенях столкнулась Фёкла
с пугливоокою собой?

1968

00047698

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

пишись пишись моя поэма!
ходи бездумное перо!
сижу таинственно и немо
про что писать не зная про

толпятся странные виденья
толпятся странные виде
брожу один средь привидений
крестясь при виде привиде

то вдруг в стекло стучится воздух
то вдруг в стекло стучится воз
открыть окно впуская звёзды
впуская воздух и мороз!

то вдруг свеча то вдруг ресницы
то вдруг свеча то вдруг ресни
опять божественное снится
с стихами дивными проснись!

1968

00047698

ИМПРОВИЗАЦИЯ НА ТЕМУ:
ОТЦЫ И ДЕТИ

отцы и дети - говорите?
ну что же начнём начнём ну что ж:
графине-сердце-покоритель
на Дон Жуана был похож
отец а дети - три улана -
они носилися в бою
у них была сестрица Анна
и пела: баюшки-баю
отец седел полнел и как-то
в салоне графа де ла Рю
в припадке бешеного такта
сказал графине: вам дарю
своё дрожащее колено -
и в кислом свете светских мин
добавил - может как полено
его вы бросите в камин
графиня в ужасе бледнела
и веер в обморок упал
а граф шептал промежду дела:
какой поистине нахал!
- мадам позвольте отчеканить
вы бессердечны! - ух! ах! ох!
стоял лакей нахохлив память
как-будто каменно оглох
а сыновья в бою носились
рубили вражеских врагов
рубили как ботву на силос
капусту как для пирогов
им Анна - нежная сестрица -
писала письма про отца
а тот носил цветок в петлице
и получил звезду от царь
но вот однажды - бог свидетель

00047598

что эти строки от души -
примчались вдруг уланы-дети
в сияньи славы хороши
на их ногах звенели шпоры
на их кинжалах свет сиял
их опалив сражений порох
им прелесть новую придал
отец стоял мрачнее тучи
возле графининых плечей
покрыт стыдом багрово-жгучим
стоял отвержен и ничей
а мимо строем шли уланы
прохладно шпорами звеня
отец вскричал: во имя Анны
увы помилуйте меня!
влетает дочь отца простила
графиня нюхает цветок
а у отца откуда сила -
на грудь уланам скок да скок!
и кто-то пробовал хихикать
а кто-то в обморок упал
часы протяжно стали тикать
и прослезился целый бал:
заплакал граф Нортумберлендский
заплакал герцог Иоркшир
заплакал Пётр Евграфыч Ленский
от слёз раздавшись сильно в ширь

1968

00047698

НАБЕРЕЖНАЯ 1

вмолчу в тебя свою любовь
в тебя вржавею с этой крыши
где звёзды на зубах скрипят
где грудь небес свистяще дышит

где ветер голос рвёт на части
спина меня осталась там
кричит вода ледяные страсти
мостов осклабившимся ртам

нагое небо в звёздных струпьях
скрежещет судорожной ногой
я превратился в дым из труб я
висеть над призрачно тобой

1968

00047598

НАБЕРЕЖНАЯ 2

я вас люблю я вас не знаю
я по волнам реки хожу
где фигура каменно-резная
скрежещет бровью по ножу

но слов моих стояла не слыша
глядя с тоской поверх меня
туда где скатывался с крыши
последний шум седого дня

я подошёл во мне хрипело
глаза грозили остриём
а по реке металась пена
и мы чугунные - втроём

1968

00047598

НАБЕРЕЖНАЯ 3

стою ржавея от любви
на этой на железной крыше
я кровельщик я столько вбил
в неё тоски хрипяще-ржаво-рыжей

за мной стоит моя спина
с лицом израненным ветрами
и машет рукавами она
как в водосточно-железно-колено-вы-вихнутой драме

1968

00047598

НАБЕРЕЖНАЯ 4

я вас люблю я вас поверьте
моей любви тяжёл чугун
но она молчит перчатку вертит
глядит с печалью... я не лгу!

я не не не не не не не не!
я не не не не не не не!
а по воде скрежещут тени
и мы недвижные над ней

хотите каменно останусь
накрытый тяжкою спиной...
она молчит склонясь над сталью
реки изогнуто-стальной

1968

00047698

* * *

ночь была. кудрявый воздух
душно бился о сирень.
на зубах скрипели звёзды.
было призрачно и лень.

я любил кого не зная.
небо падало к шатру.
громыхало в небе знамя
уставая по утру

1968

00047698

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ БАЛ

съезжались гости уставая
кареты зеркалом гремя
так цокала мостовая
как полночь всадниками тремя
они один был хмур из них
другого всадника не знали
а третий вскорости жених
теперь усы и мог едва ли
так трое и мостовая лишь
дом освещённые огнями
морозом лица опалишь
или фонарь закопан в яме
графиню любил он она
они других толпа густая
стояла к окнам холодна
беседа равнодушно-пустая
вы веер ваш бежит огня
она оставьте и молчит
далёко поздняя она
что в птице зарево кричит
шпага возле за собой
он в туман плеча недвижен
что барабан и бой
и ранен мёртвый неподвижен
к его ногам катились шпоры
как серебра с молчаньем споры
а гости бал и блеск и море
огни растоптаны горят
и трепеща в враждебном взоре
едва колышимый наряд
очи ресницы и девы
молчит и он весь в чёрном взоре
рукою локтя левой
и блёстки пауз в разговоре

00047598

лицо ты брови и она
глазами неба рычаги
той мрачно что наклонена
ресниц созвездия враги
смирно встали позади
к кресел тенями без речи
он возле себя жену посадил
тускло придвинув светом плечи
его седые эполеты
мерцаньем золота звеня
он генерал она одета
оставьте молвила меня
к креслу встал смиренно он к
охраняя призрак звонко
но веером лицо своё колыша
была надменна и не слыша
она графинею ночей
с гербами бликов полустёртыми
у ног отныне он ничей
её как те простёртым
помня бал княгиню и его
вцепились пальцы в ничего
чтоб побелев до хруста память
в лицо зеркал очами падать
небо светлело удар тяжело
молчали тяжёлые ткани
с поклоном седым слуга пожилой
к стене отступая за камень
прочтя поклон она застыла
откинув надменно затылок
те что цокали втроём
стали холодно-воздушны
то что всадник он на нём
гарцуя чует конь послушный
вошли и молча были там
один у стен другие два далёко

00047598

в толпе свечей зеркал и дам
стояли с складкою жестокой
что причина? что они?
про то и зная было поздно
уже смешались в ряд огни
и на мундирах тесно звёздам
глаза вдруг думали себя
над ними брови оживали
как-будто миг себя губя
в утонувших глаз подвале
ты сроки новые кидаешь
поверх зловещего шитья
и человека тень худая
с рукой в ней полного питья
бокал графине там что был
она глоток и локон светел
уже возок ко льду застыл
чтобы помчать запутав след петель
завернув недвижно в шубу
они несли её она
прикосновения не грубы
бокал осушенный до дна
и пар дыханья молодого
лицо склонившимся глазам
помчались прочь огнями дома
не обернуться вдруг назад

тот долго бал не вспоминали
и только тихие рассказы
как тех вернули и догнали
троих их дерзкую проказу

1968

00047598

ПАРОВОЗ

снег скрежещет и не тает
весна качает железный кран.
в небе боже пролетает
из далёких жарких стран.
мы на насыпи сидим
там где вырос одуванчик
потом поток его седин
унёс за рельсы ветер звонче.
ты молчишь жестоко меря
каждый миг и крутишь гайку
ты же раненого зверя
облетаешь словно чайка.
твоё лицо я с ним соседствовал
под стук ресниц зимою бедствовал
рельсы губы и ресницы -
ты холодная краса
тут нельзя не удивиться
не усердствовать глазам.
мимо ветра мимо шпал
уголь серый пролетал
пролетал и лёгкий боже
из далёких жарких стран.
долго сидя возле нас,
дед котомкою потряс
и пошёл гудя как провод -
что ему погоды довод!
стало тихо
что же слышим?
мы недвижны мы не дышим.
нет ни звука в чистом поле,
только землю роет крот.
я молчу от дикой боли
набивая землёю рот.
снова слушаем с тревогой,

00047598

что же слышим? ничего.
над железною дорогой
стало холодно, того.
зазвенел комар железный
уголь веет бесполезный.
я от пяток и до ног
вдруг почувствовал озноб.
паровоз!
у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у!
мы сидим недвижны оба.
за спиной подул сквозняк.
стал ногою от озноба
бить по шпалам: так-так-так!
мы сидим а ветер ближе,
стучит всё ближе паровоз,
ты молчишь и крутишь гайку,
ветер с тысячью заноз.
стал я молча мерить дали
но они умчались прочь.
твои глаза то не видали,
ты была летать непрочь.
паровоз!
у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у!
мы сидим а он не видит,
нас не видно тем кому
кто навстречу с гайкой выйдет
встать на рельсах одному.
воздух уголь и обходчик,
отстучал уж давно молоток.
паровоз всё ближе ближе,
сделай судорожный глоток!
не успеешь
он всё ближе
крутишь гайку
я с тобой
не озяб

00047598

и не обижен
бог летит
над головой
у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у!

1969

00047598

ТОРГ

графиня
глазами грохоча
было к полночи
секунды мужали
я подошёл слегка насвистывая
и пачку денег перелистывая
напевая .....
спросил: почём ветчина ш?
спросил графиню с декольтом
вокруг стояли колонны слуги повара
форейторы
я прикрикнул: поскорейторы!
лягнув собачонку Бузю
графиня сорвала с себя одежды
и не стесняясь поваров
сказала: 88 руб.
я осмотрел товар почтенный
в раздумьи шпорой позвенел
между мной и бабой здоровенной
какой-то пламень пролетел
я прошипел: уф-ф!
она показывала дальше
а меня вдруг одолело раздумье
я зарядил висок картечью
трах-х!
и сказал: пива!
мы чокнулись трое: я -
графиня - форейтор
чулок свисал с одной ноги
другая нога улыбалась сквозь зубы
вдруг - любовь!
тогда графиня вырвалась и убежала

00047598

оставив в моих когтях кусок плеча
вот и всё
плохо! - скажете вы
плохо! - молчаливо кивают форейторы

1969

00047598

ТАБЛИЦА УМНОЖЕНИЯ

17 = 4 x 22

5 x 1 = 6

5 x 2 = Миллион

5 x 10 =

6 x 6 = 200

5 x 8 = 0

6 x 6 = 4

1 x 2 = 9 ?

7 x 0 = 5839016,03

800 x 800 = 900

1 + 1 = 3

3 - 1 = 8 !

1969

00047598

ДИТЯ

старик исчез. темно. стена и дверь на ощупь.
усталый звук шагов и скрип из темноты.
и лампа, как дитя. за нею сумрак тощий.
и женщина из тьмы спросила: "это ты? -

её рука легла на узкие перила -
пожалуйста, молчи и лампу не буди.
ты знаешь, здесь стена во тьму глаза вперила,
и даль над головой над фабрикой гудит"

старик опять исчез, хоть и не появлялся.
я вижу темноту: она худа, бледна.
и пальцы, побелев от скомканного пляса,
сжимают свою боль, как камушки со дна.

а даль над головой, над фабрикой усталой
хотела разбудить уснувшее дитя.
и лампа, закричав, в постели биться стала
и ножками сучить, болезненно светя

1969

00047598

НА БАЛ

я собирался на бал
к графине Терпигоревой
мечусь по комнате
кругом разбросаны
мундир усы и шляпа
вдруг входит наёмный убийца
замахивается ножом
но тут лунный луч
ударяет по люстре
а было темно и
я насвистывал
всё рухнуло все потолки
все люстры и все светы
мраморный убийца
остался стоять с
отколотой рукой
где щётки для усов?! - кричу -
флакончики пилки зеркала шпоры
звеню весь от злости
на пол посыпались
куски полночи бой звон
тогда вонзаю шпагу
в ножны по рукоять
и еду пешком
окутан призраком кареты
наёмный мрамор грозит мне
вслед
отколотой рукой

1969

00047598

МАДЛОН

мы вышли из пивной она чуть не упала
споткнувшись о порог прекрасная Мадлон
мы шли мимо окон грохочущего бала
где от огней взлетал и ахал небосклон

казалось у Мадлон слеза в руке сверкнула
прекрасное лицо устало от ресниц
и мимо темноты прогорклой и сутулой
оно легло в толпу иссиня-белых лиц

прощай моя Мадлон! - я свой услышал шелест
булыжные глаза слезились из-под ног
фонарные огни в воде кривясь кишели
и где-то под мостом о сваи охал бог

1969

00047598

СМЕРТЬ КНЯЗЯ ПОТЁМКИНА

я Дмитриева вспоминал

"... О, коль ужасную картину
Печальный гений мне открыл!
Безмолвну вижу я долину;
Не слышу помаванья крыл
Ни здесь, ни там любимца Флоры -
Всё тёмно, что ни встретят взоры!
Поникнул злак, ручей молчит;
И тот, кого весь юг страшится,
Увы! простёрт на холме зрится -
Простёрт, главу склоня на щит!.."

идя вдоль набережной

1969

00047598

каккомэй	антидот
меркичкерим	постриженик
хатыннах	голубой
буркандья	сифилис
сусуман	келейно
ат-урях	фихтеанство
альпатваам	тризненный
омчуг	хороводиться
хивкандья	Суворов
валёмык у	напрочь
чигичинах	подтемянный
480	13
13	485

1969

00047698

* * *

был бал графини и маркизы
в свои блистали веера
и я стоял бросая вызов
сегодню завтру и вчера

ко мне подходит герцогиня
и древним родом шелестя
и взглядом рыцарским окинув
шпаго-надменного меня

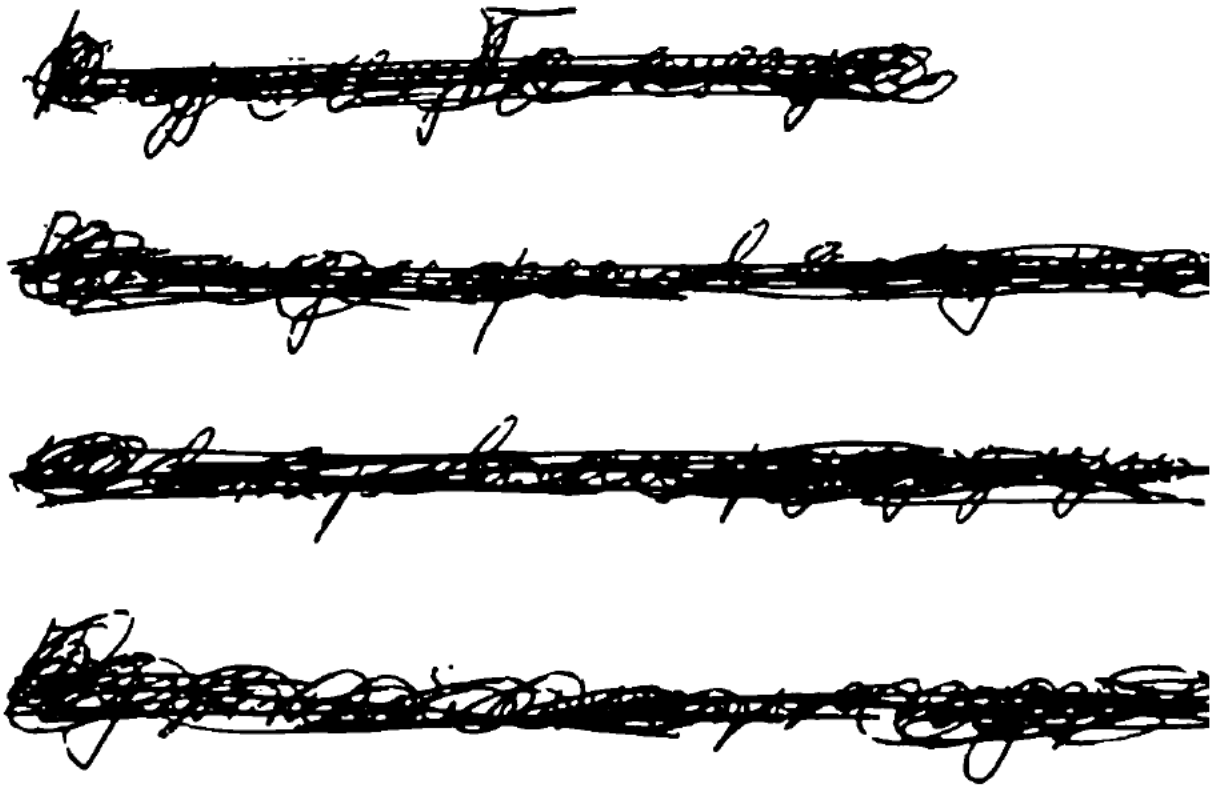
сказала: вот не ожидала
месье от вас такого вас!
со всех сторон слепого зала
на нас смотрели сотни глаз

а я час от часу смелее
а я час от часу сильней
смеялся мысленно над нею
в то время как смеялся с ней

1969

00047698

ПРЕКРАСНОЕ ЗАЧЁРКНУТОЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЕ

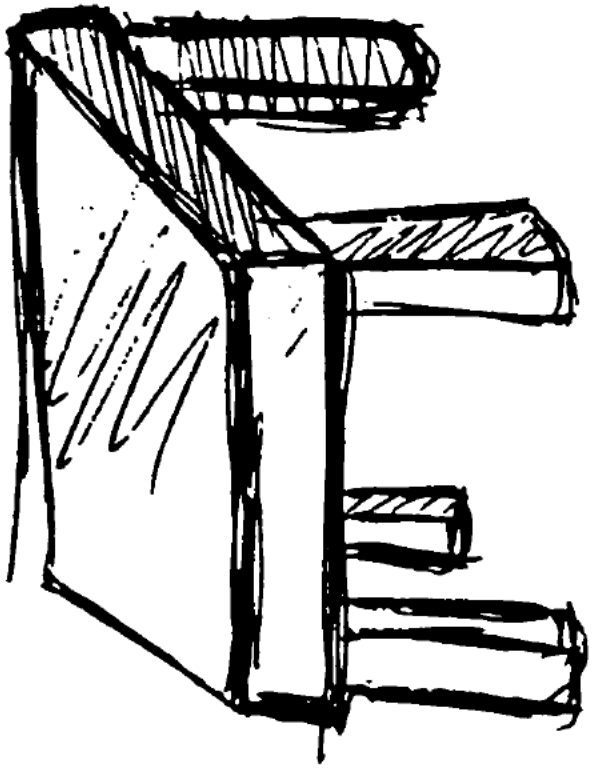


1969

00047598

СТОЛ

стол



1969

00047598

ОТТОРЖЕНИЕ

13

вопрос: сколько?
ответ: никуда
босой как 94783
бог-ветер!
5556,4
Загурдаев Ю.
§+§+§+§+§+§+§+§+§+§
08112
[redacted]
вопросительный знак
№ !
решётки для глаз

1969

00047598

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ

я вышел из лавки предсказателя судеб
где куски звёзд
и единственная мебель - это угол
образованный стеной и полом
иду
вдруг он догоняет - в очки вместо стёкол
вставлено небо - и запыхавшийся:
с вас - говорит - ещё причитается полтина!
я дал деньги
тут
звезда со свистом сорвалась с небес
и грохнулась на предсказателя
полтинник упал на мостовую звеня и подпрыгивая
он умер
я вернулся в лавку
чтобы повесить на гвоздь то что осталось
но вошли посетители
потом другие
и так всю ночь
и мне пришлось кратко и в простых выражениях
объяснять им
чего ожидать следует всем

1969

00047598

РИСОВАНИЕ

увидев девушку с волнистой светлой прядью
волос в которые вонзало солнце свет
я быстро подошёл и вежливо: присядем -
сказал ей - написать желаю ваш портрет

немного смущена и польщена немного
присела юная потупя чистый взор
я стал чертить углём моля неслышно бога
чтоб древний мавзолей не втиснулся во двор

но скоро детвора ко мне на плечи села
и деву заслонив вскружился рой старух
я уголь заменив куском большого мела
на чёрной простыне стал рисовать на слух

о солнечный прибор! о гребень частых звуков!
вонзающийся хор летящих голосов!
в то время как спины невыносима мука
как прочен чистых глаз задвинутый засов!

1969

00047698

* * *

сон делится на 19
веков
П Р О С Т Ы Х
не уколите
ваших глаз
о началу!
дитя дитя
без тёмных изгибов
без ночи
и что же видел?
////////// - частокол
- прозрачно простите

и гусаров
откормленных
словно на убой

1972

00047598

АЛЁШЕ КАЗАКОВУ

осень
резкие очертания дня
холодный чугун оград -
такой мне запомнилась
последняя встреча с ветром.
прямо с улицы вошёл брат,
его имя - А л е к с е й -
сегодня жёстче и ослепительнее
словно золотые купола
под бешеным напором полдня.
о чём он спрашивает?
я жду.
мои ответы так же сгущаются
как сумерки
и как моя немота.
брат.
длинные светлые волосы
падая навстречу плечам.
глаза тревожно подпускающие небо
на выстрел ресниц -
вот одно из голубых отражений.
сегодня он живописец
бесстрашно бледнея
при вспышках чёрных ночных молний.
вчера - это ещё не наступившее странное время.
завтра - оставило в углах его губ
чуть видную усмешку
крупицу стали
ставшую больнее
на два-три мгновения

1972

00047698

* * *

что может быть прозрачнее
чем дым ремёсел
чем скрип вечерних фонарей
чем Маргарита у излома
любовью сдвинутых глубин!
она чугунными мостами
манит и ранит даль воды
и холод округлён
её девичьей шеей
и отдалён от острия пространств
он как обласканный покойник:
вот-вот заговорит

1973

Bayerische
Staatsbibliothek
München

00047598

* * *

сумрак
с проглоченной иглой
с себя нависшим глазом
из этой извести
изваян красный бант
то девушку в холодно-звёздной
дрожи
целует зеркало
но обе непохожи:
и та которая навек остеклянела
и та которую уводит чёрный франт

1973

00047698

* * *

дочь фонаря
упавшего насильным ливнем
сжигая с крыш просторы
она и с костылём стройнее всех могил
то пачкает о золотые пальцы небо
то свищет сквозь его простреленную грудь
то имя забывает
и ночь своим углам теряя счёт
к её губам отточенным подносит
улыбки лезвие с которого течёт
кровавой звездицей ещё живая осень

1974

00047698

* * *

иззавсево кагада-та
прустный сок гаревши
тосвая городновая
ис сил сапожитца
загалинищився з задов
иглою матернай
внасквость из-голодохо-177-фтью
нажу дай спаржиться-3
истес нумеровосемь разграмирован-н-ннин
!!!!! в паюс мать
!!! - хи-хи?
сжабрался-с звак
взвянигарад-с-хую
баль-ь-ницу
су ма схадивв-в
на? ро? ш?
на!!!

1974

00047598

* * *

огонь кивает
в знак согласия у
за окнами и за небесами
у утомлённых звёзд
лучами рыб бессонных
и тесно будто у секунды в горле
когда на медные долги
построен полдень
он посылает смысл
не легче чем
смолы тягучий стон
и нет конца двум звукам:
полуразрушенная тень от воздуха
и древняя осока
чуть старше дней

1974

00047598

* * *

импровизация
стук молотков по крышам был
слышнее молчания по спине. но
и это заглушалось дневным одно
горбым днём. он два куска рав
ной длины дождя ливня говоря по
исландски. правда там вообще не
говорят. даже усталый рот не мо
жет вымолвить ни ползуба. а у
него давно уже одна рукоять. Я
говорит звуком простудил горлю
холодом речи.она в ответ: я в
конце жизни вижу цель сегодняш
него бильярда. во время грозы
пахнет елизаветинскими временами
и от архитектуры и от времени и
от Петра. резкий переход от цели
к простуде. надрезал осень а там
облака морщутся от беззвучной
боли

в честь прозы в честь ночной ды
мящейся тишины. дальше белая не
крашеная дорога. по звёздам опре
делил век: узкое окно решётка
часть неба. ещё проще по числам:
13 босое четырнадцать

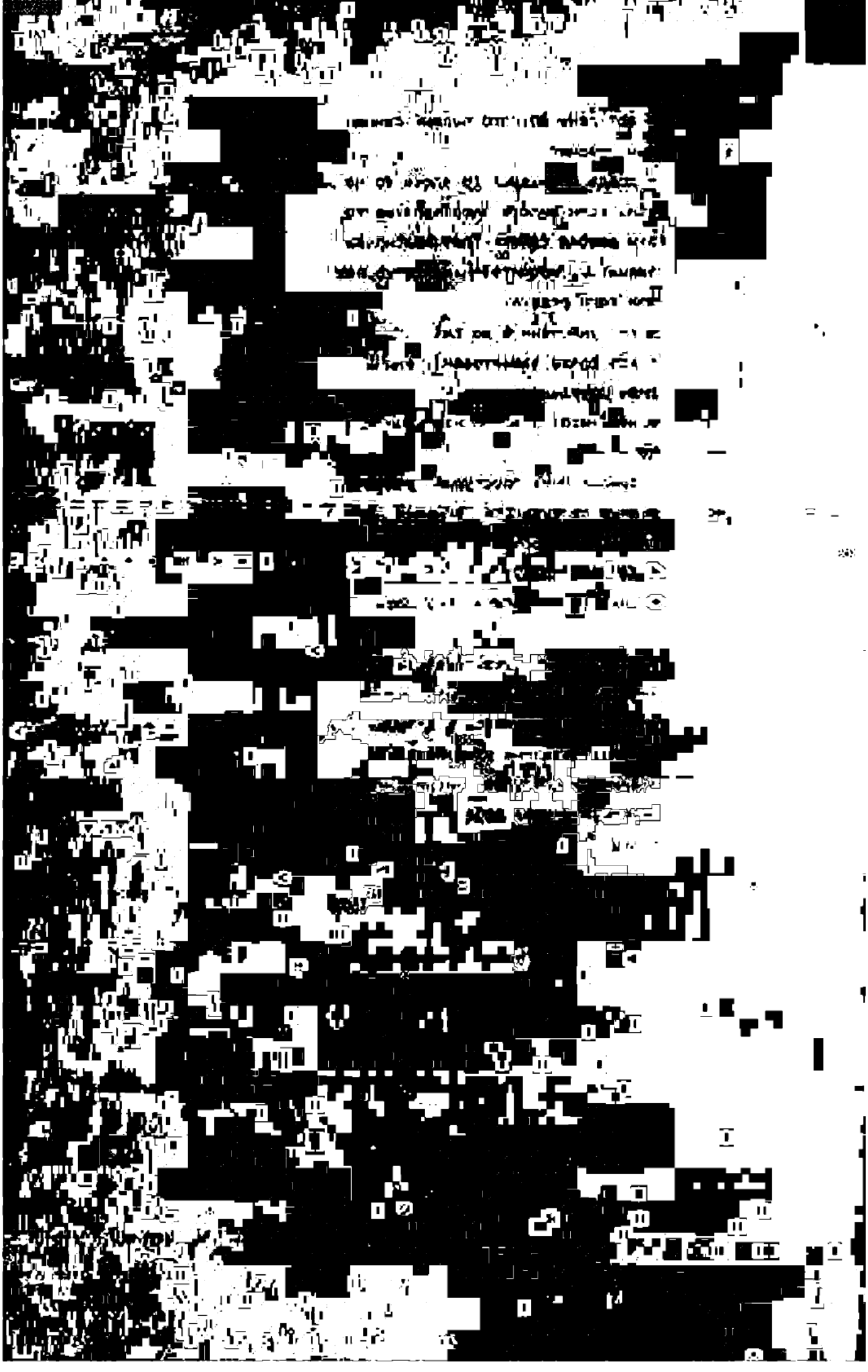
пишу а лист становится всё бело
снежнее и всё одноглазее. ночь
распахнулась словно вечерняя
смерть над зрачком. вместо запя
тых вместо шпор простая походка
убыстряющаяся к сентябрю.

00047598

- вот день вот его первый свинцо
вый признак
- дождь возникнет то здесь то не
там. если вместо шпор запятые то
эти ошибки слишком по-кирасирски
звенят... молчите? налейте-ка мне
вон того ответа
- гм! умноженное на гм!
- вся фраза забинтована. видны
лишь обугленные
- что? что? в вопросительном кон
це
- сквозь бинт проступила усмешка
в виде запёкшегося заглавия да
глаза беззаборные
- за ними придут
- тихо! а то носилки без слов

тихо будто не существует звуков.
вместо лица - другой отнесённый
угол. шаги удаляются в сторону без
начала. названия улиц названия
старинных прогулок. числа сами се
бе смысл и сами себе
конец

1976



00047598

ПОЭМЫ

00047598

МОНАСТЫРЬ

1

гадалкой ночи реет,
вокруг звёзд летает
и лучи их заплетает,
словно косы дочерей.
смотрят горные уступы
на полёт хрустальной ступы,
на поющий путь метлы,
ликом грозны и светлы.
вот дубовый монастырь,
бочек обручи ночные,
ягод кислые листы,
осень - разные чины им.
мха монахи пировали,
люд брусничный валом валит.
в окнах - синяя слюда
зимовавшей стрекозы,
залетающей сюда
волей бабушки-грозы.
комариным голоском
гриб пищит, крутя носком.
бородатая икона
свежевспаханной земли.
над оврагами закона
чудным запахам внемли!
опрокинул бочку - брага
потекла по дну оврага,
и пьянеющим кустам
пчёлы двинулись к устам.
звук пчелиного набата,
словно золото во мху.
борода хмельной лопатой
окунулася в уху.

00047598

и рыбак кому-то ложкой
деревянной погрозил.
веселящиеся мошки,
в речке плещутся язи.
бочки катятся, другие,
ночи обручи тугие,
и рассвет, как пьянный нищий
выбивает пяткой днище
и дубовых же людей
шапкой кличет веселиться,
но у бедных желудей
унесла молитва лица.
а хмельная позолота
облезает на воротах.
монастырскими кудрями
машет леший или лось?
разной нечести и дряни
столько за ночь развелось!
в монастырские подвалы
бочки прятали бывало.
звон загадочный монет
и лучины алчной свет,
и монет чеканки той
профиль осени златой.
сторож пьяный не заметил,
кто-то тёмный, ликом светел,
будто он сошёл с иконы,
в складках памяти суконной,
шаг усталый, человечий,
умоляя, тают свечи,
на коленях темнота,
пали истовые тени,
словно жалобы кнута,
словно руки просят денег.
с блеском тайны позабытой
широко глаза открыты,

00047598

будто звёздный поводырь
в ночь ликующего пенья,
в ночь слепого вдохновенья,
в ночь отчаянья воды.
наяву сверкнул иль снится
терем, брошенный ресницам?
теням грозного суда -
окон синяя слюда.
эти складки возле губ -
это дерево упало,
и темнеют на снегу
ветви скорбно и устало.
угол, грёзы паука,
серебро и паутина,
с замирающей лучиной
реет смуглая рука
в перстнях странствия ночного
вдоль зубцов монастыря.
ветра, духа ли печного
сумрак стоны растерял?
его волосы, беззвучно
ниспадавшие на плечи,
заслоняет призрак тучный
свежевыбеленной печи
и взметает шумный ворох
над смирением волос
пожелтевших приговоров
синим шалостям стрекоз.
и качнулись тени враз
на краю бездонных глаз,
как разбуженные девы
пеньем пропасти внизу,
вопрошающие: где мы?
безучастную лозу.
сторож с сонным фонарём,
шапка ветхая на нём,

00047598

это даль кладёт поклоны,
елей частые кресты,
это знак перстов зелёных
белолицей бересты.
златотканные враги
и ковёр с пушистым брюхом
жадно кушали шаги,
скрип ловя персидским ухом.
свечи бросились бежать,
пламя в ужасе теряя
и одеждой задевая
настоятельницу-мать.
но монахини молились,
и молитвы по плечам
рассыпались и струились,
тёмным золотом звуча.
тяжесть тёмного узла,
скок упругого козла -
закружились, забодались
круторогие огни,
диких глаз промчались дали -
ниже голову нагни!
осы в заросли густые
тянут струны золотые,
гусли запахов медовых
сказы выплели из кос
синим трауром на вдовах
заколдованных стрекоз.

2

оставляя рясы клочья,
продирался сквозь кусты.
потекло вино из бочек
басом тёмным и густым.
чудо бросило огонь им -

00047598

была бочка, стало две!
но еловая погоня
настигающих ветвей
захрустела за спиною,
дышет хвоей тяжело:
ты шутить хотел со мною!
ель надвинула шелом
с переносицею тёмной
грозно сдвинутых ветвей.
ёж свернулся, тайну словно
в прелой празднуя листве.
золотое дремлет око,
и зелёным шлемом лес
зачерпнул воды глубокой
с синим празднеством небес.
строг устав прозрачных вод.
тихий набожный народ,
монастырь озёрной были.
сёстры-рыбы тихо плыли.
не резвися, не ныряй -
строг устав монастыря.
заискрилися и скрылись,
плеск содеянной вины.
уши раковин раскрылись
слушать струны глубины.
и, с округлым скорбным ртом,
мать-игуменья вздыхала:
сом ли это, или сон
был навеян опахалом?
мать-земля в себя зовёт,
тихо дерево течёт
и годам кругов зелёных
завершает грустный счёт.
и в утихшем птичьем гаме
по воде пошёл кругами
звук серебряный и дальний

00047598

прозвеневшего луча.
но на дне исповедальни,
в уши раковин шепча
и колыша плавниками
синий занавес воды,
рыбы ждут дремучий камень,
блещут в нитях бороды.
от удара плавников -
две серебряных метели,
и слова, сверкнув, взлетели
стаей вещих пузырьков.
всех утешит он, а бедных
тихой медью одарит.
но пора звонить к обедне!
что же медлят звонари?
голубая колокольня
всколыхнувшихся небес.
звуки золотом окольним
забрели в подводный лес.
за плавник лучи обвили,
звонко в солнце зазвонили,
и причудливые тени
от неверия бород
заметались, полетели,
и ликует серебро.
и чело украсил инок
жёлтым обручем кувшинок,
не молитва и не сказ,
это - правда синих глаз.
сёстры-рыбы льнут к оконцу:
это шелест слышен чей?
сквозь стрекоз пробилось солнце
голубым снопом лучей.
звона блещущие слитки
зарывались тихо в ил,
где полночный страх завил

00047598

дом отшельницы-улитки.
где русалкиным ресницам
брошен синий невод сна,
монастырская темница
тишиною поросла.
колыхнулся и поник
рыбы-сторожа плавник.
с связкой звонкою лучей
от темниц и от подвалов,
от подводных светлых залов,
от сокровищниц ночей.
и русалка встрепенулась,
снам прощально улыбнулась.
звон всё медленней и глуше,
мудрость раковины - слушать
и сплетать в жемчужный дым
тайны неба и воды.
больше деве не спалось,
стража глаз мигнул и ожил,
так печален и тревожен
был обряд её волос.
бледный луч уже потух,
каждый волос - это дух,
тихой зеленью блестят,
песнь от темени до пят.
солнце село за лесами,
дымный гребень ей оставив.
над водой гадали звёзды,
рой судеб чертили воздух.
дева шепчет: ночи ради!
и протягивает пряди
умоляющих волос.
око сторожа зажглось.
он гремит клешнёю рачьей:
стала ласкова, добра.
подкупить и одурачить

00047598

хочет стаей серебра...
духи-волосы густы,
спит подводный монастырь.
лунный луч коснулся слуха,
рыбы светлые стоят,
и в питьё печальных духов
льют стрекозы синий яд.
дуновение сосны -
и пронёсся запах хвои
над молящейся травою.
заблестели рыбы-сны.
елей ночь стоит густая,
разметавши хвою звёзд.
и икону держит стая
чуть колышимых стрекоз.
синий блещущий оклад.
под водою слышен клад,
слышно пение и звуки,
как в тоске ломают руки,
как баюкает вода
древних раковин года.

1966

00047598

ГОРШКИ

опершись на посох длинный,
ночь к устам подносит ковш:
ах, разбилось столько глины,
столько крынок и горшков!
пьёт студёную водицу
и вздыхает тяжело:
этот пьяница-возница,
разорит он всё село!
он же думал про себя:
ещё высечет, любя!
ловко прыгнул через камень:
пусть играют черепками
дети белок и бобров!
ночь молчит, нахмурив бровь.
этот пьяница-хитрец,
он колёсам шепчет тайну,
ось ломается случайно,
и ликует молодец.
на поляне-самобранке
он с телегой в перебранке,
пахнет дёгтем и вином,
и забылся долгим сном.
вдруг откуда-то девица!
в свете лунного луча
промелькнула, как царица,
красотою прозвучав.
запах чуда, запах хвои -
промелькнула в трёх вершках!
он вскочил, скуля и воя,
позабывши о горшках,
в чащу бросился за нею -
хохот елей, хохот сов!
он от страха леденеет
в спелой ржи своих усов.

00047598

один колос дай мне, рожь,
подпоясать мою дрожь!
это бес меня попутал.
ишь, хохочет! где-то тут он.
не один, а целых сто!
и взлетает к небу стон.
череп глиняный - откуда?
он возьми, да череп кинь.
а тем временем посуда
превращалась в черепки...

вспоминая, ночь вздыхает,
над полями пролетает,
песню запахов сложив...

был возница еле жив.
сколько нечести лесной
на телегу налетело!
всё, что ожило весной,
чтоб творить лихое дело,
всё, что реяло, парило,
ковыляло и брело -
всё визжало и вопило
иль грозило помелом.
комары и мухоморы,
позабыв свои раздоры,
заплясали над водой,
словно эхо с бородой.
били, пели и плясали,
парня за ноги кусали,
а над плешью удалось
стае рекших стрекоз
водворить и разукрасить
призрак вздыбленных волос.
бедный с ёлкою обнялся,
с ней крестами поменялся,
помолился и взлетел
над горой косматых тел...

00047698

ночь вздыхает и косится,
словно дьякона косица.
избы дышут на горе:
бедный месяц угорел!
и хмельной звонарь постукал
пальцем согнутым по ступе -
ведьмы нету, крошки звёзд,
помело да волчий хвост.
что с беднягой приключилось!
встретил месяца-скупца,
светлый просит: сделай милость,
и похрюкай, как овца!
избы чёрные и небо,
медный колокол не спит
и колосьям юным хлеба
подпевать себе велит.
песня тихая несётся.
пьяным пугало напьётся,
жадный заячий народ
налетит на огород,
а бояре-гусеницы
в своих шубах и мехах
по капустной небылице
расползутся впопыхах.
натопили печку жарко,
всё равно кряхтит лежанка -
раны старые болят,
снова в бой идти хотят.
что ты, старый, бог с тобой!
ну какой же ночью бой!
спит калитка, спит плетень,
жди, покуда грянет день!
кто-то в сенях притаился,
пахнет плесенью и бедой -
знать не даром ты умылся

00047598

некрещёною водой.
ночь сама себе гадает,
зёрна правду говорят,
будто месяц забодает
в половине сентября...

дремлет золото и пламя,
а изба, скрипя углами,
побрела на курьих лапах,
волоча еловый запах.
пни дрова на спинах носят
к краю тёмного котла,
эту медь и эту осень
перелить в колокола.
на воде, как праздник бедных,
купола осенних дней.
и звонят, звонят к обедне
отражения церквей.
перст судьбы сверкает перстнем
синебрового огня.
у костра рыбацкой песни
дух ухи сосну обнял.
лягушачьи пересуды,
блеет в сумраке коза...

- что же, с битою посудой
мы приедем на базар?
- с этой песни, словно в сказке
надо лыко ободрать.
эх, ты зимушка-салазки,
будем лапти продавать!
вышел хмель из головы,
вышел, топнул, подбоченясь:
эй, леса, иду на вы!
а кругом лягушек челядь.
тянут за руки, зовут

00047598

пировать в зелёный пруд.
хмель нырнул, за ним лягушки,
а на дне грохочут пушки.
слава гостю, водам честь!
бочек радостных не счесть...
ночь вздыхает: что про лапти
этот пьяница плетёт?
дунул ветер, стало капать,
за свирелью дождь идёт.
он мычит себе и блеет,
травы свежие жуёт.
над костром пчелиным греясь,
пастушонок тянет мёд.
а возница перепуган,
ищет кровлю, ищет угол.
и под крышу мухомора
комары его зовут.
бедный лезет - вот умора!
закусают, засмеют!
парень встал на четвереньки -
пахнет жалостью грибной -
в комариной деревеньке
звуки музыки чудной.
он икону взором ищет,
паутину разбудил,
и паук, как сонный нищий,
ему нос перекрестил.
комары несут лучину,
светят старшему по чину,
тот читает на ракушке
житие святой лягушки.
а возница засыпает,
носом горестным храпит,
листья с сказки осыпает
и во сне ещё дрожит

1967

00047598

У ОКНА

посмотри в глаза иконе!
слышишь? звёзды кличут ночь.
их корабль звенит и тонет,
и нельзя ему помочь.
но распустишь если косы,
то сверкнут святые росы,
звёздам ночь подаришь ты,
смуглых брёвен встанет тын.
ближе к синему окну,
пальцы в росы обмакну,
начерчу полоски ночи.

хладный луч о камень точит
то ли месяц, то ли ель,
то ль в бессонном ставне щель.
мимо свечи пролилось
тихо золото волос,
потускнело и усталым
ликом замерло у ставней.
там же, дальше, была ночь,
ветер, бросившийся прочь,
и черневшая изба,
словно месяца резьба.
ах, как эта ночь холмиста!
свистнул лес разбойным свистом,
ставни реют образами,
крестят тёмными глазами,
и под их благословенье
подошли с высоким пеньем
сосен лунные стволы -
струны вспыхнувшей хвалы.
свечка - падчерица ночи
вслед за сказочницей хочет,
где таинственный покой,

00047598

что колышет мысли глыбы
и серебряной рукой
обнимает шею рыбы,
где к стеклу озёрных сот
носят звёзды синий мёд.

меж деревьев тишина
золотою машет веткой,
вздохом мхов приглашена
здесь мерцать луны соседкой.
мои травы помогли ли?
иль всё на сердце печаль?
черепок разбитой глины
об окошко прозвучал.
ты бледна, не смеешь словно.
или это знак условный?
а к воде скатился гром
обручальным серебром.
там хвосты русалок блещут.
этот гром, и вправду, вещий.
заискрятся всплески свадьбы,
водяной за повод схватит,
и погаснут под водой
конь и всадник молодой.
след расцвёл, в лесу затерян,
стал цветком. а где жених?
он с русалкой входит в терем
из поклонов голубых.

в небе - раковины, звёзды,
бледный свет далёких рыб.
веет водоросли воздух,
носит тени синих глыб.
дым встал ночи поперёк,
как бровей седых упрёк.
прочь от неба и пожара,

00047598

вдалеке темнеет пара.
их бровей устал рисунок,
но иконописец-сумрак
ловит он, как дуновенья,
ликов смуглые мгновенья.
одинокий и ничей,
с белым посохом ручей.
деревянная царевна,
платья меряет деревня
и швыряет ночи мимо
в ворох золота и дыма.
леса тёмные верхушки
дара гнева лишены.
странник спросит на опушке:
кто хозяин тишины?
поднимите к небу взгляд вы!
где скрестилась сталь лучей,
слышно звуки звёздной клятвы,
что клянутся на мече.

я луну с травой сварила.
пей! к тебе вернутся силы.
ветер тихий звон доносит
водопадов тонких сосен.
ночью светится деревня
синевою брёвен древних.
мало изб, и столько звёзд!
как усталый плотник прост,
что кивал огню рубанка,
будто воля забрела,
вея волосы цыганки
цвета синего крыла.
на пороге, как на плахе,
ночь сложила звёздный звон.
в красной шёлковой рубахе
кто там тьмою осенён?

00047598

позади лесов и ночи
кто-то выпрямиться хочет,
поднимаются с коленей
небеса чредою туч.
грудью песни соколиной
упадёт на землю луч.
лики бледные на ставнях.
утро избы понаставит,
тёмных брёвен сложит песню
и дворы наставит тесно.
и светло коснутся души
тучи сизого удушья...

богу светлого меча
душу отдала свеча

1967

00047598

КАВКАЗСКИЙ КОРПУС

Посвящаю Матрёшечке

1

1-й: не знаю, чего я хочу.

2-й: того же, но к сожалению.

3-й: приснились мне стихи, начала я не помню.

4-й: начало славное позабытое.

5-й: нескромный вопрос: ?

6-й: смелеет холод угомонный, но что несёт он нам во след?

7-й: как генерал неугомонный награды ждёт во цвете лет.

1-й: названье долго сохранялось во льду нетро нутых веков.

2-й: но ничего не изменялось внутри учёных стариков.

3-й: вы рифмы устранно применили: они у вас наоборот.

4-й: наоборот они у вас.

5-й: кинжал в отставке - вот причина, что нынче свадебный народ.

6-й: уснул замёрз проснулся дедом.

7-й: займусь войной - старинным делом. парад, войска ликуют молча, штыки по-мартовски блестят, и государь на государя бросает полководческий взгляд. - ну что Густав молчишь кузен? его на битву вызывает, ку зеном твёрдо называет, полками светлыми грозит. а ночью он не спал, ботфорты бы ли тесны, ответ решительный почти к утру готов. - кузен куда же вы? но был едва норд-вестен ответ безветренно качаемых голов

00047598

здесь новый шрифт, немного странный, такой задумчивый как шрифт. а почему? никто не ве дает.

1-й: ветер уносит себя самого туда где даль и времена. а я как памятник босой вде ваю пятки в стремена. мой конь северо-западный несёт туман в своём седле, чу гунным шрифтом завершая мосты приснивши еся мне. а дальше? лишь забава, прогулки конные вдвоём: пришпорена беседа любви старинным огоньком.

2-й: лучше молча молчать чем ломча ломчить.

3-й: зову дожди чугунным басом, ломаю громко тишину.

4-й: сейчас скажу об этом часе: скажу надмен но: ну и ну!

5-й: пора заставить дождь пролиться, уснуть на каменном полу.

6-й: вдвойне хотелось отличиться: мне - отра женью моему.

7-й: нет войны нет счастья в битве, только мир и тишина. дождь латынью увлечённый замолкает как струна.

1-й: прозой такого не выскажешь: даже на всём скаку. например: улыбнулась конница на всём блестящем скаку. ей дождь сказал поэскадронно: пусть строки строятся зве ня.

2-й: над ними шелестом огоромным взлетела мед ная змея. она шептала и сквозила: в моих витках забвенья сила

00047598

изнанка истины, коварная природа, ты молча
комкаешь блестящих строчек строй.

1-й: и даже конная уланская свобода грозит
пресытиться воинственной игрой.

2-й: скажу надменно и негромко: здесь лёд с
его прозрачной кромкой.

3-й: а там проза с её обозами, полководцами
стариками-фельдмаршалами, с припасами.
припас № 1: как правило. припас № 2: ни
чего. сказанного довольно чтобы перело
мить и увидеть надломленную строку словно
железную тень от брошенного на всём лету
смысла.

4-й: пока вы прозу отвергали она вдали собра
ла дали и вместе с громом и дождём сюда
грозя спешит втроём.

5-й: в своих чертах ужель я не увижу зеркаль
ной тишины, покоя и огня?

6-й: да что вы! что вы! сейчас никто не уцеле
ет, осколки хором прозвенят, стеклянным
холодом повеет сквозь вас зеркальный ми
мо взгляд.

7-й: такое уж бывало такое уж случалось, но
почему-то мрачно и быстро забывалось. не
забыть одной лишь встречи: помню час и
помню день: дождь стоял, молчали речи,
вдоль стены журчала тень... нет слишком
редок слишком редок - скажу небрежно на-
последок. уйду - легко догонят шпоры.

1-й: позвольте молвить стройным хором: что
ваш уход такой внезапный напомнил мне
про хмурый запад: его замашки так прос
ты с кавалергардской высоты!

00047598

4

графиня: так просто, так прекрасно: гремит
гвардейский хор. и прошлое опасно
и грозно до сих пор.
посол: когда фельдмаршал тихо спросит, отве
тит эхо на ветру. и тучи медленно об
гонят знамён крылатых высоту.
графиня: кавказский корпус, блеск озёр
и вечных льдов высокий холод.
он вспомнил сумерки и взор
и старину когда был молод.
посол: это точь-в-точь мой портрет! я себя
сразу узнал: вот высота одна из мно
гих, вот облик вкрапленный в огонь,
а вот коней медленноногих лезгинский
танец, блеск погонь.
графиня: вместо ответа хочу опять прозвать по
году каким-то прозвищем литым, чтобы
соседнюю природу узнать сквозь битв
безглавый дым.
посол: что-то ещё наобещают - маневры, долгие
труды? кавказский корпус отразился в
лицейском зеркале воды

5

невольное восклицание: какие звонкие причины
у этих мартов и ночей!
1-й: снегов стальные величины поют о том, что
мир ничей.
2-й: довольно звонкая примета - парад сосулек
рядовых.
невеста вся в лучи одета, гарцует огнен
ный жених.
3-й: полки стремятся ледяные, сосульки шпа
гами гор

00047598

4-й: ды.

5-й: и пушки громче освещают годов блестящие ряды.

она: декабрь отважный месяц. чем это объяснить не знаю.

он: вот дни, они наступят, как-только дни за хотят. декабрь я объясняю декабрём, мо роз - морозом, и так далее.

она: но ведь не объясните же вы таким образом смотр ледяных шеренг?

он: я снова ни о чём, но глуше и спокойней.

1-й: за огненным плечом штык пошатнулся строй ный.

2-й: рядов срывающихся с места
порыв чугунно-голубой
уймёт Матрёшечка-невеста
зеркальной поступью простой.

3-й: о звёздах подумал, сказал о них же.

4-й: не слишком ли я весел, держа обломки чи сел?

5-й: такой вопрос к губам стремится,
команда звучная звучит.
и грозно конница промчится,
её зеркальный дух промчит

00047598

00047598

6

когда я подошёл она спросила: вы о небе?
спросил и я: какого двуглавого века орёл
распластался в ответ?
о не заботясь шагах, санкт-петербурхские
тени сами о площадь легли облокотясь не
успели.
вдруг стал ответ мой скорым и зимним на
границах дней, и я вонзая смысла шпоры
скакал как всадник перед ней.
кружась вдоль стужи и вдоль веков протяж
ных, я шпагой холод задевал гортаней ог
ненно-бессвязных

7

почерк гвардейский конный такой по бе
лой бумаге. что это за прямота которая
навеяна? она ответила:
- здесь тени, забудем правила дождя, ко
торый лишь вспомнит: ему и имени не на
до - так прогремит.
он чуть произнёс:
- всё что вслух - слишком громко.
говорила словно себе:
- я не забыла: вслух на свету опасно. ку
да веселее забыть про это - ведь столько
часов на свету! а если ночь а если соз
вездия выше времён?
о секундантах: они устали делить шагами
тишину, вдали судьба уже беднела и зву
ки прятала в суму.

всё происходит беззвучно, почти в уме
себя. если думать лучами а не словами,

00047598

то вслух будет свет и грохот оконный.
после опять весна и воздух её. она улыб
нулась тем кто вошёл. этот день так и
вошёл целиком - по светлым своим зим
ним частям.
мысль отступала, за ней другая - в сто
рону сумерек, после в сторону 2.
только случай назывался уже по-другому:
не то осечкой, не то навылет простым

8

сказал, а ответ весь в стороне, весь не
из звуков. время само себя измерило крат
кой обратной тенью. вот юг вот север вот
западной чужой лицо. холод в глазах в зер
калах. сны безоружные на жёстком зимнем
пути.
вот её ответ:
- в старинном дне немало света, он звуки
тьмою сокруша пройдёт вдоль окон без отве
та туда где вечера душа.

1-й: пешком всё звонче: даже мысли, не говоря
уж о езде.

2-й: как-будто сумрака границы теперь навеяны
везде.

3-й: не забыть случая, но и не вспомнить. меж
ду забвением и памятью есть промежуток
для лучей, и я невольно очарован: там
след пылающий ничей. этим шагам никто
не ответит - даже эхо оглохло. лучше
спросить ни о ком, чтобы ответ удивился.

4-й: скажу - пусть будет непонятно -
здесь всё что было будет внятно.
граф Платов громко усмехался
французам палицей грозя,

00047598

и отраженьем любовался
пред графским титулом неся

9

1-й: зимой все случаи одинаковы.
2-й: весьма с вами согласен, хотя и не сегод
ня. а то вот дело развернулось когда
возникли племена: они хотели отвернуть
ся и вдеть копыта в стремена.
3-й: для поздних шуток для ответов
здесь ночь бесшумная стоит.
4-й: и я скажу что даже где-то встречал та
кой весенний вид. он возник себя прон
зая настоящей темнотой. в глубине ог
ромной зала стала гулкой и пустой. в
разгаре бал в разгаре звуки, все весе
лы не знают скуки. а там за толщею ноч
ною - решётка воздух и зима, и высота
за высотою чугун пьянеет без вина.
1-й: он прав что с рифмой распрощался что
стал гораздо более современным.
2-й: в карете с бала возвращался сверкнув
клинком одновременным. среди случивших
ся дуэлей ему запомнилась одна: однаж
ды утром еду: ели оврагу кланялись со
дна.
3-й: исход смертельный невозможный, он молча
жизнь влагает в ножны.
4-й: Матрёшечка - она была достойна:
сквозь воздух шла бледнея стройно,
и нежно раня зеркала - улыбка в
краешке угла

00047598

10

погода в форме лейб-улана
  смывает май с прозрачных дней,
    как-будто хлещущая рана
      багрово-выгнутых дождей.

1-й: о сабля сабля! где найду я такой отточен
ный ответ?

2-й: пусть этот ветер строго дуя укажет путь
далёких лет.

3-й: то что долго, то само отыщет к краткости
если не путь, то дорогу. а вы уверены
что день проснётся южный? нет тополь ча
ще небес, последней шутки плеск, отчего
игры весёлый контураж светит? для всех
таких же строк есть пушка, называется
сама.

4-й: вы всё правы, а я всё я. давайте же за
кончим шутку отверстием для ног. ах! че
го фонарь желал, того уж ночь не может.

1-й: даль обещает повышение каких-то видимых
границ. должно быть, долгим отношением
крестообразных единиц.

2-й: столбы для этого готовы, для плахи нет
своих или чужих - особенно вторых.

3-й: спешите! может ночь воскреснуть, тогда
вся штука может треснуть.

2-й: откуда столько всего справедливого? не
ужели оттуда? да я же читал, собственны
ми афишами видел: глаз безоружный.

4-й: теперь пора сказать об обратном: пока
сам холод не явился чтобы жестоко пока
рать. чтобы никто не прослезился
чтоб на морозе
не рыдать

00047598

11

1-й: ночь сверкает, день молчит,
как бессвязная вода.
небо в воздухе висит
разбегаясь на года.

2-й: вы правы, даже ваше эхо
себя ведёт не без успеха.

3-й: имя без бориса очнулось. тишина кроме
чем самые белые звуки. а свет достал
до причины, отозвался рекой, а по бере
гам по самым отчизнам оборвался сен
тябрь рухнув в самую гущу грозы.

4-й: про старший ливень замечая
что нет прозрачности у лет,
года стоят вокруг колодца
и пьют сентябрь от слова "нет".

1-й: пространство лучше чем посуда:
оно объёмистей и звонче,
и звёзды падают оттуда
и лают вбок как свора гончих.

2-й: ответ уже грустит давно,
ему не в горле всё равно.
а вот другой случай: иду, вдруг случай
в небесах: какая-то луна весь ход опе
редила: ни днём ни ночью не светила.

3-й: идите годы без названий, ку
да ведут вас ваши числа. слов
но фельдмаршалы без званий,
словно фельдфебели без смыс
ла.

4-й: или для краткости добавлю,
себя взмахнув как злую саблю:
чтоб смысл извлечь из многих лет, у
меня зондербург-стрелицкого нет

00047598

00047598

маркиза: всё есть: и зеркало и титул,
лишь ночи нет и бигудей.
граф: когда настанет час, простит он
дневные облики людей.
да, кстати: я теперь некстати.
маркиза: пусть ваши мысли полетают или
походят по дождю. а я, покуда
рассветает, какой-то ночи подож
дю.
1-й: он ждёт, она светает, для прозы час
настал.
2-й: чугун вольётся в строки, как дрожь и
как металл.
3-й: себя дождём он называет,
времён промокших не узнать,
прозрачно струями сверкает,
чтоб непрозрачно не сверкать
4-й: помню, в нашем наследника-цесаревича пол
ку случилась однажды такая лейб-гвардии
уланская история: во время высочайшего
смотра.
граф: не помню смотра рокового,
не помню факта такового,
не помню неба полкового,
полка не помню никакого.
маркиза: ну вот и луч сверкнул оконный, и
дождь не пеший и не конный.
1-й: тогда
какой
же
он
такой?
2-й: ну и загадку загадали!

00047598

3-й: словно пехотные медали звенят на конни
це лихой.
граф: а где же обещанная проза? где чугун
высочайший?
маркиза: пусть сабель призрачный ответ окра
сит всю страницу в цвет.
4-й: или пусть дождь голубоглазый
не видя
взглянет оба раза

13

теоретическое начало: проза бывает всех
видов. но теперь нас интересует только
тот из них. проза густо перемешанная со
стихиями.

о чём сказать о чём подумать когда все мысли
кувырком?
1-й: не знаю, я не пехотинец чтоб мысль пре
следовать верхом.
2-й: дождя прозрачная берлога
плечом болит о свой косяк.
теперь и жить ему не много,
чтоб день кровавый не иссяк.
3-й: когда спросишь, то всегда вместо ответа
что-нибудь услышишь. вот например: вот.
она: не помните о чём я подумала?
он: как же не помню? не помню.
она: не спит ли дождь, пока весна,
во сне карнизы обнажая?
он: отвечу в прозе: не ясна
мне эта тень его чужая.
помню: однажды иду, не помня.
она: о небе думая, о чём?
он: дождь вздрогнул огненным плечом.

00047698

4-й: что это - созвездье конное ночное? пос
ледний шаг воды чужой?

1-й: и всё такое остальное: ведь мысль, когда
её пришпорят, идёт и падает бегом.

2-й: вчера иду, вдруг вместо ветра и вместо
вывески лихой, стоит зима и машет креп
ко своей последней головой... я помню:
сталь была из звуков, дуэльных вывесок
не счесть. это не сон - тому порукой
моя проснувшаяся честь.

3-й: он спасся медленно от скуки,
от чисел к звёздам уходя. потом не
много погодя
с себя сложил земные звуки.

4-й: ручей как горло дребезжит
когда весной по льду бежит.
она сказала чуть слышно:

она: пусть казнь отложат на сегодня,
пусть не вчера казнят его!

он: кого - крамольного вельможу, без
жёсткой тени,
одного?

14

толпа: куда идёт толпа такая?

гусар: не прозвучит ответ гусарский.

1-й: вдруг ливень вырос до небес, играя саб
лею татарской.

2-й: он шёл, проза стояла, утро началось там
же тогда же. он думая что тень может
жить сказал пряча смысл в отвороты: вы,
верно, заметили многочисленность дней?
да - она кивнула ему, он решительно пе
ресёк любой угол ответа.

3-й: толпа споткнулась, потемнела, и речь

00047598

уже не та.

4-й: да, ей к лицу косноязычие и даже немота.

1-й: там заблудился один, себя ведя за днями следом. от завывающих седин казался ура ганным дедом.

2-й: ветер на вёрсты упал и видел, и вздраги вал, ждал.

3-й: час всё светлее - особенно в северной своей западной сторо не. там двойное дыхание ветра холода и чугуна. а длиннее са бель - это её коса её тень без стены и без слова. она думает что думает, а на самом деле перо даёт строкам наклон ни куда. ах! ах! - вот её лю би мое восклицание.

4-й: в стихах и в прозе день мерцает, клубятся резкие черты. себя надменно отрицает с молниеносной высоты

15

напор, движение, другие слова, связанные це лой строкой. но к концу концов ближе всё-таки чем не к нему. как долго время не смолкает, неся погоду на плечах. и дождь без умолку свер кает в семи назначенных верстах.

1-й: мне кажется, что всё, что утро, то обяза тельно горит.

2-й: подошёл к этому месту, словно к этому сло ву.

3-й: хочу возразить молчанием.

4-й: а я если здесь, то не если.

00047698

пятый: история: была ночь. вдруг в феврале
она настала. всё реже случаи такие,
всё чаще случаи другие. фонарь по
гас пред часом звонким устала гвар
дия стоять императрица станом тонким
упала в пышную кровать. тогда все
призраки столпились, минуты пряча в
рукава, а к временам века стремились
- была их шутка такова. она очнулась
улыбнулась на новый бок перевернулась
и громко плача нараспев, сказала:
снится мне про всех. явился ящик с
орденами явились яркие лучи и импе
ратор ей приснился: он звёзды канц
лерам вручал. сначала кончились ме
дали потом иссякли ордена, и те кому
наград не дали проснулись первыми
грустя. был весь февраль весной, а
всё зимой случилось, и ночь из
рукавов
непризрачно
светилась

16

вошли в даль, а там уже все дни настали. и
оттуда успела мысль сюда прискакать - от хро
моты до брудершафта.

1-й: сказал впервые обещая.

2-й: здесь ночь не медленно большая.

3-й: здесь ночь немедленно большая.

он: все образы тускнеют от доски. а мы?

она: здесь двое, а стены думают что тени с
нами.

он: тогда о старом вечере о странном тот
воздух раскалённый напевал. одна или

00047598

две строки - всего о небе красном.

она: вот рана: днём она мерцает, а ночью -
отдалённее звезды.

он: о всяком случае я вспоминал: он так и
назывался. отдельно от других - где дождь
был пленным сном.

1-й: сном или днём?

он: какая-то попытка разбить чугун о строки
о буквы занимательную тень. всегда не
сам всегда не свой, я дюжину измерил не
шагами.

она: вот облако: оно заключает в себе дожди
и молнии и грозовые времена. когда же
гром случится?

он: о поцелуй споткнулись небеса.

она: вчера из плена холод возвращался: когда
весна называлась по-всякому.
в железо пальцы не сгибались,
сверкали слёзы на штыках
и беспредельно улыбались
деля на части этот страх.

он: тогда же или чуть раньше позже - не пом
нит кровь куда она стремилась -
я отозвал и отозвались
времён чужие облака.
гроза сквозь молнии скиталась, где
впредь не двигалась река

17

светлеет ночь и отвергает
лучи старинной темноты.

1-й: не помните ли вы, какой сегодня случай?
мне мысли снятся наяву. одна из них бе
жит наверх, собой небрежно хороша.

2-й: откуда столь первый голос? звучит как

00047598

воздух в ноябре.

3-й: кругом огня былые звуки.

4-й: вы слышите, маркиза? я бы слышал, да ведь нечего слышать.

маркиза: вот зеркало: меня притягивает мною, какой-то истиной иною. люблю два ве ка: XVII-й и XXXI-й.

4-й: мне нравятся века, Людовики и многое другое. особенно семнадцатый Людовик и XXXI-й.

маркиза: от фонарей и эшафотов струится свет во все века. мне не забыть такое фото: луна опять без парика.

1-й: луна в объятьях старика.

2-й: толпа, узнав, что день без цвета, про зрачно вымерла в тот миг.

3-й: и всё это длилось, и слов сменило ровно столько

00047598

Александр Введенский
читает свои стихи
Алексею Крученых
в Москве
на Мясницкой
весной 1936 г.

00047598

18

весь день молчал, вдруг ночь настала,
она была едва-едва. и мне казаться пе
рестало что нас не только и не два.
откуда-то вселенная взялась и стала
круглой становиться. ну - думаю - ко
нец! а он то-есть я себе давал отвагу
сердцем и кулаком железным: стук!
она подумала что это варвар и даже
мысль от свечки отвела.
но было поздно страхи одевать в стек
лянные двойные подворотни. спешить на
помощь что ли? шпага всегда с собой со
мной с двуногим. для шпор отдельный пе
реулок и даль отдельная для дел.
фонарь свой дол огрел и стал едва ве
черним, снимая изморозь с чугунного вче
ра.
а я то шёл то становился пешим то вдруг
бежал, ногами ослеплён.
от быстрого времени лошадь устала и
дышит вперёд.
кажется вовремя прибыл: на месте дуэли
уже сосна шаги отмерила грозою, и небо
к выстрелу готовилось шурша.
душа его здесь остановилась и тень от
дерева для встречи обрела.
обнялись простились и в хвойный восток
забрели.
тогда ночные секунданты поправив злые
аксельбанты как молодые адьютанты вес
лом на сушу налегли.их голос не едва
заморский, французский выветрив язык,
устал крича веслом поморским, как-будто
выученный штык.

00047598

выстрел о даль зацепился западным эхом
уйдя.
а! фыркает лошадь-рассвет себя без сед
ла узнавая, и пепел копытом вонзая по
талой весне напролом.
ваше благородие, смерть здесь присела.
он ус протяжно надвигает, щекой небри
тою звеня:
там, заслоняя листвой, дождь шевелился
косой

19

он: вы так взглянули, словно время само ушло
и всех уводит.
она: я здесь, а время там.
он: поодаль? это стена, но вчерашняя. сегодня
будет завтра.
она: всё началось сейчас, а кончилось тогда
же.
он: для памяти нет более упорных случаев,
чем никакие.
она: шаг без ответа. вся ночь была не зря.
он: смотрите, здесь вся стена в днях. и над
пись стёрлась от случаев, и позолота.
она: и лик святого. от каменных невзгод
он: ведь это храм?
она: да.
он: день молится немногословно. молитва голу
бая.
она: вершина дерева - бывшая вершина ночи.
он: вы слышите? здесь всё горит от звуков.
она: я слышу паузу - она легка, быстра.
он: мой голос разбудил свои чужие мысли, они
хотели молча отдохнуть, сбивая истину на
путь.

00047698

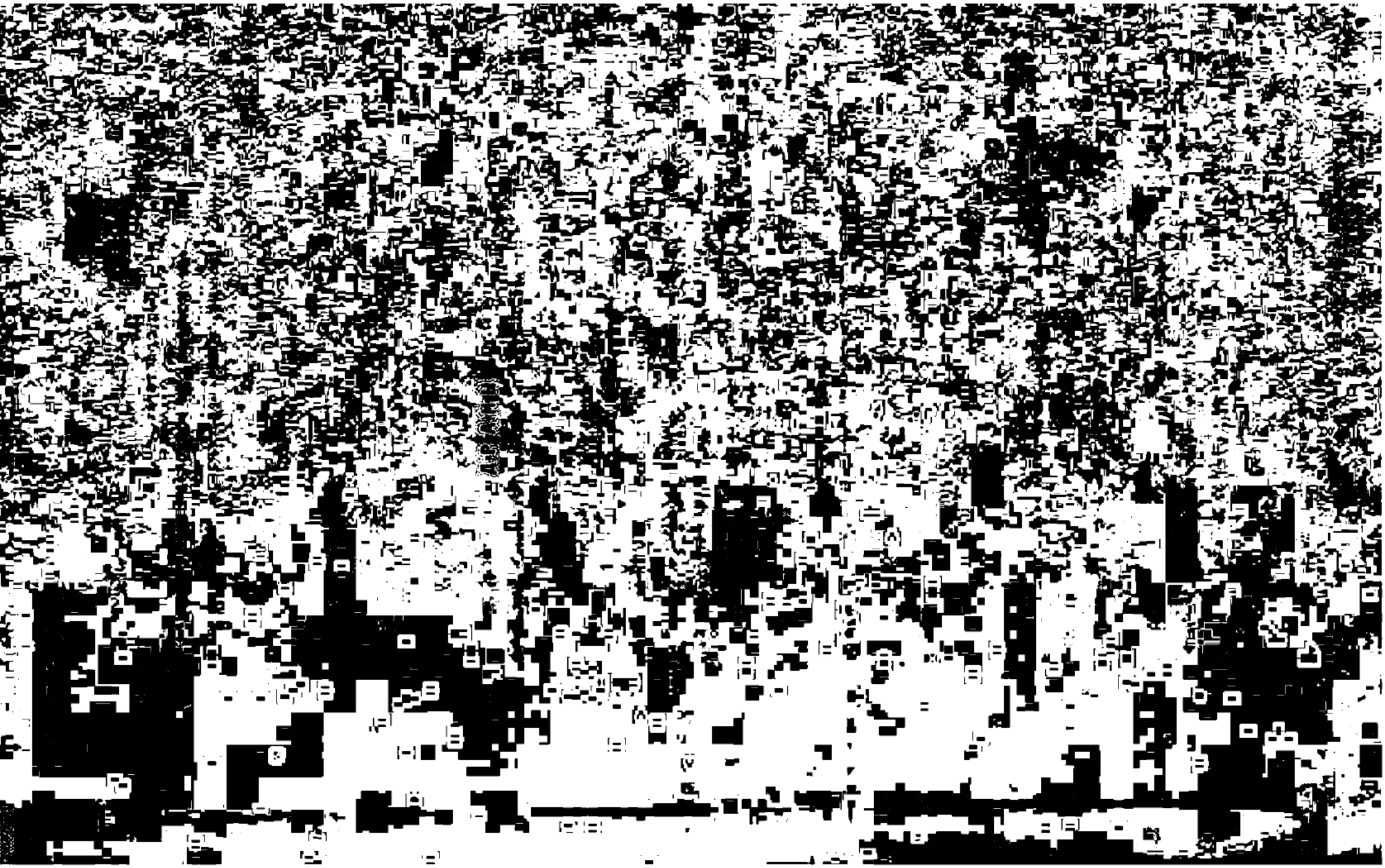
00047698

она: от тени два письма - одно, другое не безмолвствует.

он: помните, мы молчали, слова забывались.

она: да, здесь всё сказано, что не из слов.

1977



00047598

ВРАТА

Долгое время сцена пуста. Нету и самой сцены. Наконец, появляются.

Сцена
Вы кто?

Витковский
Я? Сцена.

Сцена
Вот оно что! Теперь многое из того, что прежде мне было неясным, остаётся для меня неясным.

Другие
Такие уж времена. Простите, что перебиваем. Сейчас почти все другие забриты в солдаты. Только двое других ухитрились остаться на свободе. И то это не мы.

Пожарник
А где Витковский?

Витковский
За ним послали специальный отряд. Должны привести живого или мёртвого.

Другие
Не обязательно живого или мёртвого. А что касается нас, то мы исчезаем. Мы и не появлялись, берём в свидетели всех. Проща...

Пожарник
Я требую, чтобы фамилию пожарника помещали

00047598

на афишах сразу после фамилии автора. Например:

драма "Севильский цирюльник"
автор - Лонгфелло
пожарник - Валерий или Василий Фёдоров,
и т. д.

Витковский

Вы совершенно правы. Что это за пожар, если не указаны главные действующие лица! В Рязани, говорят, даже был такой случай. Всё сгорело...

Витковский 2-й

Вы Витковский 2-й?

Витковский

Нет, я Витковский 1-й.

Витковский 2-й

А я Витковский 2-й. Прощайте!

Витковский

Чуть вся Рязань не сгорела. И несколько окружающих сёл.

Анна *(появляясь)*

Здравствуйте, Анна!

Витковский

Здравствуйте, Витковский!

Пожарник

Да. Нет. Да. Нет.

00047598

Анна

Где пепелище, на которое я пришла? Где я, которую звало пепелище? Увы! их нет.

Витковский

Не только "увы!".

Пожарник

Он прав. А я пойду. Хотите со мной, Анна? Хотите разделить кочевую судьбу пожарника? Сегодня - здесь, а завтра - нигде. Как вам нравится?

Анна

Он странный. Он, а не вы.

Витковский

Я, а не я?

Сцена

Смотрю я на них и не понимаю. Слушаю и не вижу. Живу и не умираю.

Анна

Кто это?

Витковский

Я и другие.

Анна

А где пожарник? Отважный.

Витковский

У него сейчас вдохновение. Он тушит. (после паузы) Анна! Анна! Когда же?!

00047598

Анна

Анны нет. Есть я... Вы сказали "другие"?

Витковский

Наоборот, другие сказали "вы"... Анна, я жалею, что не сгорел тогда, в Рязани. Сейчас было бы всё по-другому. О!...

Наступает ночь.

1-й голос

Что это?

2-й голос

Ночь.

1-й голос

Как всё изменилось! Я был Витковским.

2-й голос

А я? Анной?

1-й голос

Едва увижу огонь, так сразу вспоминаю того бравого парня в блестящей каске и верхом на водяном коне. Что-то он теперь? По-прежнему пишет? Или перешёл на прозу?

Анна

Не знаю.

Витковский

Вы, Анна, подобны вам самой. Те же волосы, тот же чугун, те же глаза и бледное лицо. И ледяное равнодушие, и ресницы. Сколько вам лет? Не знаю. Утро наступило.

00047598

Прохожий

Скажите, здесь не проходил человек с чёрной повязкой вместо часов?

Витковский

Да, здесь что-то тикало. Что-то звучало довольно мрачно.

Анна

Проходил. Он свернул после наверх.

А окна, молнии и гром
Мы приказать завесим плотно
Дождя могильным серебром

Прохожий

Дорога в прекрасном состоянии. Луна в прекрасном состоянии. Иду!

Витковский

Я в прекрасном состоянии. Я?... Анна, позвольте произнести ваше имя!

Анна

Что?

Витковский

Анна!

Анна

Что?

Витковский

Позвольте произне...

Пожарник

А, вы всё здесь? Те же вопросительные знаки вперемешку с молчанием? Ну, ну!

00047598

Анна

Вы тот самый пожарник?

Пожарник

Нет, я другой. Но огонь-то тот же. Понимаете? Ухожу... Туда!

Анна

Куда вы?

Витковский

Анна, куда вы? Вы не дослушали историю моей жизни. Я даже не успел начать. Так вот: прошли годы, я подошёл к зеркалу посмотреть, не забыл ли чего надеть и не надел ли чего-нибудь лишнего... Вы слушаете? Я говорю?

Анна

Он тушит.

Витковский

Чем?

Анна

Пламя.

Витковский

Сейчас сцена подо мной провалится. О, тяжесть!

Пожарник

Что здесь происходит? Час обгорел.

Кто-то

Властная осанка, суровый голос и жестокая

00047598

половина десятого.

Пожарник

Вы чей-нибудь брат?

Витковский

Нет, я просто чей-нибудь.

Анна

Повеяло прохладой, детством.

Витковский

Ваши глаза блестят. Мой голос хрипит. Его каска сияет. Встанем молча.

Некоторое время стоят.

Пожарник

Я исчезаю, меня ждёт дым.

Витковский

Моя жизнь делится на два периода: первый и третий...

Процессия

Мы идём, идём, идём. Название нам: похоронная процессия.

Витковский

Как стало холодно, хотя и луна светит! Вы помните меня, Анна? Это длится уже много лет. Холод усиливается. Несмотря на пожары. Анна.

Часовщик

Нет часов, нет и работы.

00047698

Портной

Нет пожаров, нет и другого.

Кузнец

Есть другое, есть и одно.

Процессия

Есть и похоронная процессия. Удивительное это дело - идти вслед за мёртвым до определённой границы.

Часовщик

И не такое бывает, если колёсико или шестерёнка сломается.

Портной

Или если пожар завоет.

Кузнец

Да.

Витковский

О, моё конное, о, моё пешее детство!... Вы?!

Призрак

Я.

Витковский

Как? И вы, и я одновременно?!

Призрак

Нет, вас нет. Только я.

Витковский

Вы намекаете на эту похоронную процессию?

00047598

Призрак

Нет, на часовщика.

Витковский

Молчите! Будьте так же неслышны, как и невидимы!... Я поранил себе горло остриём во время бритья... Не мешайте мне смотреть, как зеркало истекает кровью...

Призрак

Он сумасшедший! Пойду, притворюсь неспящим.

Кто-то

Что здесь делает этот призрак?

Анна

Он не спит.

Витковский

Странно! Я слышал голос Анны... Что это я, то вижу что-нибудь, то слышу! Что это со мной творится? И так всегда.

Кто-то

Не обращайте внимания... Но ваше зеркальное горло... это просто ужасно! Побегу за пожарником!...

Витковский

У меня есть последнее слово для произнесения!... Я хочу видеть Анну!...

Анна

Что здесь происходит? Ничего?

00047598

ОКНА

Некто

Странный год. Не было ни лета, ни осени, ни весны, ни зимы. Что же было? Был этот вопрос.

И вот в один из дней этого вопроса я вышел из. Прошёл мимо каменного двухэтажного дома. Оглянулся. Не оглянулся. 1-е окно: не успеем. 2-е окно: кого? 3-е окно: догоним!

Дверь открыли. Я постучал. Здравствуйте! Войдите! Кто там? На пороге стоял воздух. На его лице была странная усмешка. Показалась хозяйка. Гость? Воздух молчал. Его лицо пересекал шрам, словно это было возможно. Женщина увидела гостя и окна, стоящие за его спиной. Окно замахнулось и, сверкнув, исчезло. Хозяйка сказала:

- Проходите, пожалуйста.

Гость застонал, пошатнулся и улыбнулся войти. Ноги его не слушались. Женщина глядела мимо него и мимо всего.

- Кто вы? - вздрогнула она спросить.

На стенах висел портрет. Был изображён кто-то и его сабля, глаза которого сверкнули и давно погасли. Гость ответил:

- Кто я.

Она пригласила его сесть в одно из кресел. Кресел было два, и один портрет. Гость сидел, бледный от окон. Бледность передалась небу. Окно передалось женщине. Она стала беспокойно ходить.

- Ах, эти окна!... Что с вами?

- Позвольте мне. Уже день. Скоро ночь...

Он пристально стал смотреть. Но и вокруг

00047598

всё стало пристальным.

Шумной толпой вошли гости.

1-й гость

Здравствуйте! Вы обратили внимание на то, какое сегодня завтра?

2-й гость

А я иду по улице и вдруг вижу, что забыл выйти из дому. Каково!

3-й гость

Кровь цвета крови. А небо цвета тоже.

4-й гость

Странно глаза устроены! Куда ни поглядишь - кругом одни стены!

Хвиюзов

Дома, покинутые своими обитателями. Обитатели, покинутые своими душами.

Хозяйка, женщина лет 30, 31, 32, 33-х. Она оставалась почти неподвижной.

2-й гость

Казалось бы, всё уже сказано. Но и не сказанного тоже много. Вот и молчим.

Хозяйка

Кто-то незнакомый простился со мною на улице. Светил фонарь, а кругом - ни одной ночи.

1-й гость

Посмотрите на Хвиюзова! На нём лица нет, он неподвижен, он бледен, он - он.

00047598

2-й гость

Да, да, да!

Хвиюзов

Нет, нет, нет! Это ошибка окна.

3-й гость

Я не вижу ни того, ни другого.

4-й гость

Я вижу женщину. Она идёт, держа в глазах
что-то сверкающее.

Часовой

Штык.

Штыковой

Час.

1-й гость

Вы слышите? На улице топот ног, топот глаз.

2-й гость

Топот всего.

3-й гость

В небе звонкое солнце.
Купола - золотое семикратное эхо...
Иду, вдруг вижу: Хвиюзов в своём маскарад-
ном пальто.

4-й гость

Кто? Что? Кому? Чему? Кого? Чего?

2-й гость

Что это - часы или полдень?

00047598

Хвиюзов

Меня о чём-то спросили? Я должен кому-то ответить?

1-й гость

Сквозняк вопросительных знаков. Вы сели слишком близко от окон.

Хозяйка

Хвиюзов всё время смотрит на небо, всё время думает о небе и так же молчит.

Хвиюзов

О небе спросите у окон.

1-й гость *(хозяйке)*

Вы странная женщина. И странные окна. В одном - полдень. В другом - другое.

Хозяйка

Небо?

4-й гость

О шёлк знамён!
Он синь как небо над базаром
Где в лицах тыквы узнаём
Мечту торговки выпить даром

2-й гость

Не знаю, как вы, а я не знаю, как я.

3-й гость

Когда я вошёл в ту комнату, за столом сидели трое. Один из них был четвёртым.

00047598

1-й гость

Карты играли в людей?

3-й гость

Я остановился в недоумении, не зная, кем мне быть: пятым или седьмым?

2-й гость

Не считая окон?

4-й гость

Три окна, не считая нас.

3-й гость

Один из них был Хвиюзов.

1-й гость

Один из кого?

2-й гость

Не перебивайте меня, я молчу!

4-й гость

Пятеро, не считая молчания.

Хозяйка

Полдень, полночь. Чьё-то лицо, глаза и он сам.

1-й гость

Странно, я не Хвиюзов. Что-то есть ещё более странное, но я забыл.

3-й гость

Игра была в самом разгаре. Вошли окна и встали за спинами.

00047598

1-й гость

Окно вошло тяжёлым шагом
Графине золото неся
И зала дрогнула в испуге
Вместить такие небеса

Хвиюзов

Если я здесь, то где же?

3-й гость

Я взял на себя незавидную роль рассказчика и вот: остался один.

2-й гость

Мы ушли и вернулись. Продолжайте! Здесь всё без изменений.

4-й гость

Тот же Хвиюзов, только несколько более бледный. Тот же бледный, только несколько менее он.

Хвиюзов

Я слышу голоса, но не вижу ни звука.

Хозяйка *(1-му гостю)*

Дайте четверостишие, прошу вас!

1-й гость

Смотри! кленовый гарнизон там
С зелёно-пушечной пальбой
И сжаты губы горизонта
Суровой линии мольбой

3-й гость

Я продолжаю. Вошли и встали.

00047598

2-й гость

Вы продолжаете. Вошли и встали.

4-й гость

Разрешите представиться! Не знаю своего имени.

1-й гость

Не знаете, не продолжаете, не перебиваете. 4 не.

3-й гость

Несколько слов о карточной игре. Четыре масти окон. Окно треф. Небо пик.

1-й гость

Где Хвиюзов? Его только что не было!

Хвиюзов

Четыре масти меня. Крапленые окна. Я здесь. Посмотрите внимательнее.

Хозяйка

Да, это он. Это его голос, это его молчание.

3-й гость

Это его окна. Но, я продолжаю.

2-й гость

Продолжайте!

1-й гость

Он прав!

4-й гость

Он прав!

00047698

Хозяйка

О. П!

3-й гость

Сдавал Хвиюзов. Я встретил его взгляд. Мы молча смотрели, как наши судьбы пересекаются.

4-й гость

Что это? Я тоже бледен! Здесь ни души, ни часа!

2-й гость

Мне странно, словно это сказано мной или кем-то другим.

1-й гость

Этот старинный дом-
Память о греческом посольстве
Гербы чугунные кругом
И даже шпорой на босой листве

3-й гость

Как-то у меня сорвалось с языка восклицание "господи!". И что бы вы думали?

4-й гость

Отозвался другой?

2-й гость

№ 7?

Хозяйка

Вы хотите сказать: было эхо?

1-й гость

Он хочет сказать.

00047598

2-й гость

Дайте ему сказать!

4-й гость

Дайте мне меня!

Хвиюзов

Какой густой час!

3-й гость

Эта женщина, мною забыто её имя, а именем забыт я.

4-й гость

Как вам нравится этот новый обычай у древних римлян - казнить окна?

Хозяйка

Смотрите! мы побледнели. И он.

1-й гость

Подойдя к своему отражению в часах, я увидел, что нос у меня съехал на половину шестого, один глаз ослеп, а душа - вечная.

2-й гость

Так от чего же бледность? Неужели от невинной шутки? Я прошу вас всех снова покрыться румянцем!

Хозяйка

Позвольте всем вам предложить чай!

Все

С удовольствием! С удовольствием! С удовольствием! С у!

00047698

1-й гость

У чая цвет и вкус ночи.

2-й гость

У окон цвет и ночь чая.

3-й гость

Чай - это ночной полдень, густые окна, кровь цвета себя.

4-й гость

Осторожнее! Не разбейте ночь! У вас в руках - чай! Иначе - осколки и...

Хвиюзов

Я занят тем, что сейчас полдень.

Хозяйка

Занят тем, что бледен и неподвижен.

1-й гость

Чай - это "это", по счастливому выражению Острогского.

2-й гость

Вы его знали? Вы его не знали?

1-й гость

Нет. Да. Нет. Да.

4-й гость

Тут князь Острогский подошёл
Как будто вынутый из ножен
Блестящ так холоден остёр
И в битвах свистом пуль изнежен

00047598

3-й гость

Эта женщина его знала. Забыл её первую цифру.

4-й гость

3-й гость + 4-й гость = 7-й гость

Хозяйка *(Хвиюзову)*

Вы молчите, а ваши глаза нет.

3-й гость

День скрылся за углом этой цифры.

4-й гость

Желтизна её оков
Мне стелет выкройку угла

1-й гость

Так что же окна, они всё ещё за его спиной?
Так что же женщина, она всё ещё кто?

3-й гость

Нас ждёт ответ.

4-й гость

Забыл первую цифру имени.

Хозяйка

Ах, взгляните на циферблат! Какой неожиданный час показывают стрелки!

Хвиюзов

Нет, это не они. Он сам напоролся на стрелки, этот час. Бросился, как безумный.

3-й гость

Он бле...

00047598

4-й гость

Он бле...

1-й гость

Он бледен!

2-й гость

Нас ждёт нас.

3-й гость

Четырнадцать - это сколько?

1-й гость

Это вчера.

2-й гость

Это больше.

3-й гость

Меньше, чем что?

Хозяйка

Послушайте, что говорит ваше отражение в зеркале!

3-й гость

Вспомнил эту цифру! Её не было!

2-й гость *(глядя в зеркало)*

Наши лица решительны, наши жесты - наши.

Хвиюзов

Зеркало галлюцинирует.

3-й гость

Игра заключалась в следующем: один выигрывает, остальные - да.

00047598

Хозяйка

Смотрите! Сюда идут окна!

1-й гость

А где же Хвиюзов?

2-й гость

Вопросительная цифра 3.

00047598

Пермяков

Здравствуйте! Я сегодня ещё ни с кем не здоровался. И вчера, и завтра.

Сергеев

В этом отношении вы - полная противоположность одной женщине, которая мне кем-то приходилась. Как мы с ней потом выяснили - никем.

Екатерина Васильевна

Я очарована вашей манерой говорить и вашей манерой молчать, и вообще вашей манерой. Но, пожалуйста, ответьте мне на один вопрос.

Сергеев

Пожалуйста. Отвечаю.

Екат. Вас.

Благодарю вас! Это поразительно!

Пермяков

Хорошее начало для пьесы: "Я не актёр, клянусь своей любимой ролью!".

Екат. Вас.

Вы пишите? Вот неожиданность для тех, кто вас не знает!

Пермяков

Хотелось бы придумать для себя роль потруднее, помолчаливее. Есть монологи, требующие для произнесения какую-либо природную возвышенность или яму. Диалоги ещё труднее: для

00047598

них иногда не хватит и целой роты пожарников.

Сергеев

Мне при слове "бессмертие" - едва услышу или увижу - всегда хочется чихнуть, как от сквозняка.

Екат. Вас.

Другое дело окна: они светлы, высоки и держат ночь в запасе... А вот и моя дочь Лиза. Знакомьтесь, пожалуйста!

Лиза

Я Лиза, Лиза, Лиза!

Сергеев

Я я, я я, я я!

Пермяков

Пермяков.

Лиза

Мой любимый цвет - голубой. Моя любимая даль - чёрная. *(к Сергееву)* Скажите, о чём вам говорит прозрачность окон?

Сергеев

О непрозрачности стен.

Лиза

По-моему, ничто так не украшает звона,.как осколки стёкол.

Сергеев

Вы правы. Отсюда и этот холод, и этот лик,

00047598

подёрнутый теплом.

Пермяков

Боже! Взглянув на эти часы, я не узнал себя! У меня никогда не было такого выражения лица, такой без четверти полночи!

Лиза

Какие странные гости! Особенно другой.

Екат. Вас.

Хотите, будем пить чай? Прекрасная вещь в такое время года и дня.

Пермяков

Чай удивительно отвлекает от мыслей, за что и ценится всеми мыслителями.

Екат. Вас.

Нас ждёт завтрашняя усталость... А что скажете вы?

Сергеев

Всё зависит от зеркал, а зеркала зависят от всего. Впрочем, я им не доверяю: я в них всегда картавлю и всегда должник.*(в сторону)* Какая странная сторона!

Екат. Вас.

Если можете, будьте ещё серьёзнее.

Пермяков

Да, этим независимым видом, этим необычайным мной меня ссудили зеркала.

00047598

Лиза

Удивительно, я познакомилась с двумя отражениями.

Сергеев

Кто я? и зачем я? - вот два вопроса, на которые я не могу найти двух ответов. (в сторону) Она прелестна! (Пермякову) Она прелестна!

Пермяков

Кто - сторона?

Екат. Вас.

Прошу вас, несколько строк!

Пермяков

Вдруг карета прогремела
И мостовая онемела
Туда метнулись окна зала:
В карете сидел вполуоборот -
Графиня по гербам узнала
Старинный Вологдова род
Он проехал так задумчив
Так не видя ничего!
Казалось проплывали тучи
И дум тревожное чело

Лиза

Назначение крыш - бороться с ливнями. Но иногда это похоже на безумие и на любовь.

Сергеев

Обычно в полночь, когда полдня нету.

00047598

Лиза

Он улыбнулся - мне или никому другому?

Пермяков

Ещё одно свойство чая: усыновлять.

Екат. Вас.

Здесь только что была тишина, но она стала вдруг невидима.

Сергеев

Не знаю, кто более жесток - тот, кто молчит, или тот, кто ещё более жесток?

Екат. Вас.

Вы правы, иначе не были бы так бледны.

Часы

Бам! Бам! Бам! Бам! Бам! Бам! Бам! Бам! Бам! Бам! Бам! Бам!

Все

12 !

Пермяков *(в смятении)*

Где Сергеев?!

Сергеев

Где Пермяков и я?

Лиза

Где они?!

Екат. Вас. *(после долгой паузы)*

Как странно дышится!

00047598

Лиза

Уходили годы, столетия... и возвращались...
Смотрите! Они идут!

Сергеев

Здравствуйте! Прошло столько лет, а здесь ничто не изменилось. Всё попрежнему неузнаваемо.

Пермяков

Здравствуйте! Здравствуйте! Я просто поражён переменами, не произошедшими в нас.

Лиза

Сколько тишины они принесли! И сколько ночи!

Сергеев

Если подвести к зеркалу покойника, оно умрёт... Простите, я, кажется, невпопад.

Лиза

Нет, что вы! Напротив! Это мы невпопад вас услышали.

Екат. Вас.

С молчаливыми я молчалива, с говорливыми - разговорчива. С призраками я - нет.

Лиза *(в сторону)*

Для призраков они слишком призрачны.

Пермяков

Иногда мне кажется, что я не тот, за кого он себя выдаёт.

00047598

Екат. Вас.

Он так бледен, что числа на циферблате кажутся ещё чернее и ещё зловещее.

Пермяков

Он так молчалив, что всё, что есть, начинает казаться.

Лиза

Недаром полночь. 12 - вещий час. Обе стрелки указывают на бога.

Пермяков

Моё спокойствие меня повсюду настигает: то возле окна, то на улице во время прогулки, то на краю могилы.

Екат. Вас.

И север, и восток, и запад - как всё жёстко!

Лиза

Скажите, вы не исчезали, или вы не появлялись?

Пермяков

Я долго силился понять, что же произошло. Наконец, ничего не понял и успокоился.

Сергеев

Статья № 133 дисциплинарного устава. Она гласит: отечество, отечество!

Лиза

С кем он говорит? Если с собой, то его нет.

00047698

Пермяков

Моё отражение в зеркале не моё.

Лиза

Ваше отражение в часах смелее, чем в зеркале.

Екат. Вас.

Да, и появляется сходство с витязем. А стрелка защищает переносицу, как шлем.

Сергеев

Какая странная архитектура! Решётки не на окнах, а прямо на лицах.

Екат. Вас.

Забрала на лицах? О чём это он? Какой он странный! Какие мы!

Лиза

Он от нас ещё дальше, чем мы от него.

Пермяков

Ещё бы! Снится наяву то, что уже снилось во сне.

Лиза

Зеркало наяву, а мы нет. Вернее, мы - нет, а зеркало - да.

Екат. Вас.

Что они говорят?! Стрелки часов указывают на безумие.

Пермяков

Забавный со мной произойдёт случай. Я вам

00047598

тогда расскажу.

Екат. Вас.
Право же, лучше говорить о забавном! Я любительница таких историй, где ночь, необитаемые окна, лучи подкупленной луны.

Лиза
И ходит призрак, которого нельзя ни убить, ни ранить, а можно только уморить плохими монологами.

Сергеев
Это я?

Екат. Вас.
На молчание ответим молчанием.

00047598

ТОСТ

1-й гость

Кто это сидит там, справа?

2-й гость

Не знаю. А вы не знаете?

1-й гость

Нет.

2-й гость

Кто же это может быть? Задумчив, а смотрит мимо окна.

1-й гость

И так бледен! Спросим у третьего гостя.

2-й гость

Спросим.

3-й гость

Кто это? Это шестой гость.

1-й гость

Но ведь всего пять гостей!

3-й гость

Вот он и задумчив, и бледен.

1-й гость

А что же хозяйка?

3-й гость

Она знает.

00047698

2-й гость

Она не знает.

4-й гость

Вы оба правы.

3-й гость

Нет, мы только оба.

4-й гость

Пока вы возражали, многое изменилось. Теперь не только он смотрит мимо окна, и он смотрит не только мимо окна.

1-й гость

А мы всё ещё мы, или не только мы?

4-й гость

Это знает хозяйка.

Хозяйка

Взгляните на циферблат часов, вам всё станет ясным.

3-й гость

Без пятнадцати шесть.

4-й гость

Без семи восемь.

1-й гость

По-моему, больше, чем без.

2-й гость

По-моему, ровно без.

00047598

1-й гость

Спросим у шестого гостя.

Хозяйка

Прошу вас, не спрашивайте! Это не он.

2-й гость

Спросим у шестого гостя.

Хозяйка

Не спрашивайте, прошу вас! Он и без того - он.

3-й гость

Спросим у шестого гостя.

Хозяйка

Умоляю, взгляните на него! И не спрашивайте!

4-й гость

Спросим у шестого гостя.

Хозяйка

Не спрашивайте! Часы уже бьют.

Часы

Бам! Бам! Бам! Бам! Бам! Бам! Бам!

Гости

Сколько?!

Хозяйка

Как? Вы не поняли?! Смотрите! окна сами темнеют, словно наступил вечер.

00047598

1-й гость

Как-то ночью я шёл по неосвещённому переулку. Он был не освещён луной.

2-й гость

Навстречу шло окно, но я был так задумчив, что опомнился только тогда, когда прошёл сквозь.

3-й гость

Так же, как ночь проходит сквозь призрака.

4-й гость

6-й гость? 6-й призрак?

1-й гость

1-й не я.

3-й гость

А, между тем, из-за темноты он сделался совсем невидимым. Только и видно, что его нет.

2-й гость

Окна опережают ночь! Что же будет?

Хозяйка

Посмотрите на ваше отражение в часах! Вы увидите свою судьбу с точностью до одной минуты.

4-й гость

Нелёгкое испытание.

2-й гость *(глядя)*

Жестокая судьба и волевой подбородок.

00047598

3-й гость

12 цифр на часах. Какая-то из них - моя.

1-й гость

Такая темень, что я нахожу себя только по голосу.

4-й гость

Такой голос.

2-й гость

Смотрите! хозяйка несёт свечу. А что же с лампой?

3-й гость

Тихое помешательство?

4-й гость

Такое тихое, что слышно секунды нашей судьбы.

3-й гость

Хотите услышать? Шестой гость за всё время не проронил ни звука.

1-й гость

Мало того, что его нет, он ещё и молчит.

2-й гость

Мало того, что мы есть, мы ещё и кто?

3-й гость

Мы смелые отражения в часах.

4-й гость

Мы гости хозяйки. Мы гости судьбы.

00047598

1-й гость

А он?

2-й гость

Единственный и шестой призрак.

3-й гость

Достаточно только взглянуть на свечу и хозяйку.

1-й гость

А какой у него взгляд! Вы видели когда-нибудь остановившиеся часы?

4-й гость

Он ищет в них своё отражение.

Хозяйка

Он вздрогнул! Воздух порезался о стекло...

2-й гость

О, это 6-ое молчание!

4-й гость

Эпитафия или тост?

00047598

Мелик-Мелкумов

В какой странный день мы с вами встретились, в какой час, я уж не говорю про секунду!

Львов

Я поражён, я п, я, наконец, просто я!

Мелик-Мелкумов

Вы всё такой же шутник, каким и будете. А мне недавно пришла в голову мысль, у которой было ваше лицо. Я её возьми и выскажи вслух. Все сразу же вас узнали. Каково!

Львов

Это не случай, а просто редкость. Я вот тоже: иду недавно по Москворецкому мосту, рассеянно смотрю поверх своих мыслей и вдруг ни с того, ни с сего - бултых в воду! А выплыл в гостиной у Ольги Александровны Витковской. Вот вам и происшествие! Ммда... Полна гостиная была народу, одни стояли, другие лежали от удивления.Я кое-как подсох, извинился за беспокойство и остался. Среди гостей была и Эвелина. Вы её знаете? Так я её вам ещё раз опишу. Представьте себе женщину, ряд окон и лучи стремящегося к ней света. Это - она. Я подошёл к ней, любезно поздоровался и стал вести беседу о выставке рисунков Чекрыгина, не переставая при этом высыхать... О, этот Москворецкий мост! Вечно на нём со мной происходят либо чудеса, либо что-нибудь им противоположное. Эвелина заметила мне: "Вы, оказывается, не только отличный пловец, но и

00047598

рассказчик". Я замер: в месте пересечения оконного луча и её улыбки сверкнула моя судьба. Я её сразу узнал по причудливо изогнутому лезвию. Слова любви с грохотом замерли на моих устах... Пауза была длинной и обоюдоострой... Какая удивительная вещь - любовь! Она начинается и не проходит, кончается и не воскресает... Мы стояли возле окна, вернее - оно возле нас стояло. Пересечение улыбок, лучей. Какое-то зловещее небо стояло по ту сторону стекла. Я не шевелился, боясь спугнуть своё мужество. Эвелина спросила меня о чём-то. Вы помните её волосы, этот тяжёлый узел на затылке? Я помню и не могу забыть... Интересно, чем кончится моя жизнь? Неужели смертью?.. Я медлил, мгновения напирали, свет причудливо пересекался с сумраком. Знаете, молчание, отточенное о тишину. Я вдруг увидел профиль Эвелины. Окно было готово достать ночь где угодно. Солнце, босое, расхаживало по паркету. Эвелина сказала: "Смотрите, как солнце наследило!". Я посмотрел, увидел и ... высох. Последняя капля влаги улетучилась из моей одежды. Знаете, иногда бывает: вдруг небо шепнёт вам что-нибудь на ухо, или на ходу столкнётесь с воздухом... Мне не было пути назад, и мои мысли двинулись вперёд. Что может быть грознее неподвижности? Я так и сделал. Она заметила, что со мной творится. Она говорила, не давая себе замолчать. Окно сверкало возле каждого её слова. Вдруг я овладел странным чувством. Хочу что-нибудь сказать - и не могу. Хочу что-нибудь не мочь - и тоже не могу. О, полдень! О, стекло!... Что ж, окаменею, а сам стану возле. И сразу же Москво...

00047698

Мелик-Мелкумов

Вы замолчали, или мне послышалось?

Львов

О чём я говорил?... Ах, да, о мосте! Москворецкий мост берёт своё начало на левом берегу Москвы-реки... Он изогнут тревожно-вопросительно... Ах, да! Эвелина замолкла. Я смотрел. Её тёмные ресницы пронзали воздух. Стеклянный полдень окна сверкал...

1-й гость

Эти трое ведут себя по меньшей мере странно! Первый раз вижу, чтобы окно выступало в роли соперника.

2-й гость

А я вообще первый раз что-то вижу.

3-й гость

Я не могу о себе сказать ни того, ни другого, ни третьего.

4-й гость

Окно с кажущимся равнодушием смотрело им вслед, а в толще стекла скапливалась и густела синяя краска горечи.

Эвелина

Во-первых, все числа стремятся к бесконечности. А, во-вторых, и поделом. Что в-третьих?

Львов

В-третьих - червёртое... Иду по улице, вдруг вижу: вы идёте навстречу. И сразу же крыши сдавило в такт моим вискам. И так же застучало.

00047598

Эвелина

Названия улиц, номера домов и кличка ветра. Хочется позвать его и потрепать за ухом.

Львов

Позвольте мне воскреснуть из живых, воскликнуть: "О, как я вас люблю!"... Слышите, ветер скулит. Крыша ранена железным углом неба... Но куда же вы?!... Не уходите!!!...

1-й прохожий

Я не понял ни одного слова из этой немой сцены.

2-й прохожий

А я всё понял и онемел.

3-й прохожий

Скажу вам, что больше всего не люблю цвета чёрный и белый, потому что их легче всего спутать.

4-й прохожий

Странно день начался. Теперь уж он не кончится.

Мелик-Мелкумов

А что же окно?

Львов

Оно остеклянело. Неподвижность его и моя пугала Эвелину. Несколько секунд, приплясывая, приблизились. Она вздрогнула.

Эвелина

Что же вы молчите?

00047698

Львов

Что же я молчу?

Эвелина

Минута состоит из 60 вопросительных знаков...
Но что с вами?

Львов

Пустяки! Я жив, но не всегда.

Эвелина

Зато всегда загадочны, когда живы.

Львов

Что мне вам ответить? Не знаю. Давайте луч-
ше молча пройдёмся вдоль этих нескольких ми-
нут.

1-й гость

Поразительно! Прогулка втроём с окном!

2-й гость

Где это я? Неужели на Мясницкой? Или неуже-
ли не на Мясницкой?

3-й гость

Вы дважды правы.

4-й гость

Да, кажется, нет.

Эвелина

Вы, кажется, что-то хотели сказать?

Львов

Хочется сказать всем и всему "прощайте!",

00047598

но где взять восклицательный знак?

Эвелина

Вы правы, как молчание.

Львов

О, Эвелина, Эвелина! Я вас люблю! Клянусь горлом своим и неба!

Эвелина

Ах, как окно сверкнуло при слове "горло"!

1-й гость

Однажды со мной был случай, но какой - неизвестно. Он слишком быстро промелькнул.

2-й гость

У меня вся жизнь состоит из таких случаев.

3-й гость

А у меня вся жизнь неизвестна.

4-й гость

А у меня - прозрачна, как жизнь окна. И так же невидима.

Эвелина

Мне страшно! Окно приблизилось!

Львов

Не бойтесь! Моё изваяние с вами.

Эвелина

Но что это? Воздух пошатнулся!

00047598

Львов

Призраки времён поднимаются из чёрных могил циферблата.

1-й гость

Я и зеркало отражаем ужас друг друга.

2-й гость

Века медленно движутся, как тёмные поводыри годов.

3-й гость

О чём вы? Я ничего не понимаю! То-есть, понимаю, но о чём вы?

4-й гость

Вереницы ночных минут, движущиеся в тёмных одеждах... О, утренние лучи мгновений!

После паузы.

Эвелина(потрясённая)

Что это было?

Львов

Успокойтесь, прошу вас. Этого не было.

1-й гость

Не было воскрешения времён.

2-й гость

Не было призрачных шествий, мерцающих мимо призрачных нас.

Мелик-Мелкумов

О, поразительные мгновения! О, ваша блед-

00047598

ность в память обо всём этом небывшем!

3-й гость

Есть два вида дождей. Третий вид - это смерть от удара молнии.

4-й гость

Попробуйте-ка вон то средство. Если оно вас не воскресит, значит вы живы.

Эвелина

Кто мне растолкует такой странный сон? Ночь, пустынная улица, все крыши в звёздах, двузначный номер темноты покачивается на фонарном ветру. Чей-то голос позвал меня и умоляюще затих... Я даже не взглянула.

Львов

Ах, как вы вдруг изменились, Эвелина! Сколько сверкающего холода и красоты! Никакими числами не выразить моего изумления...

Эвелина

Вы слишком далеко отошли от своего изваяния.

1-й гость

И слишком близко подошли к стеклу.

Львов

Я, кажется, в отчаянии! Что мне делать?

2-й гость

Выбрать одно из многого.

Львов

Стеклянный лёд... ледяные стёкла... оскол-

00047598

ки и трещины ветра... судьба № 9...

Эвелина

Я стала глуха ко всему, с тех пор как меня ослепило моё отражение. Зеркало куда-то торопилось и вдруг, поражено, застыло на лету. С тех пор оно там. И неподвижно, как памятник мгновению.

3-й гость

Я опять ничего не расслышал! Неподвижно, как что?

4-й гость

Как памятник глухоте.

Львов

О, это окно! Какое торжествующее сверкание! И тут же небо оказалось. Эвелина, вы замечали, что возле окон всегда оказывается небо?

Эвелина

Чей-то голос доносится до меня. Боже, как далека я стала!

1-й гость

Все мы были рождены для чего-то другого.

2-й гость

Мы и умрём все для чего-то другого.

Эвелина

Меня пронзают мои же лучи!

1-й гость

Окно её похищает!

00047598

Эвелина

О!

2-й гость

Похитило! Одно мгновение - и она исчезла!

3-й гость

А он?

4-й гость

Окаменел вдогонку.

00047598

Владимир Казаков

Случайный воин

00047598

СЛУЧАЙНЫЙ ВОИН

Сергею Салтыкову

.

Анастасия

Что может быть небеснее, чем сегодняшние небеса?

Мария

Вдруг вспомнился мне звёздный случай. Странно: но не ночной.

Военный

Кажется, я пленён одною из них. Но которой?

Анастасия

Даль не отвечает.

Мария

Прежде я никогда себя не узнавала, а нынче я не могу себя узнать.

Анастасия

Вот осень, вот крыши, а вот ливень. Как резко всё разграничено!

Военный

В этой прямизне есть нечто близкое мне и моей верности.

Мария

Она бледна. Пусть время сделает ещё одно движение.

Анастасия

Пусть тишина приблизится.

00047598

Мария

У моего имени свойство: звучать в тишине.

Военный

Военные всегда кстати. Например, при заключении мира, и т. д. Всего не перечислить.

Мария

Анастасия!

Военный

Суровый чертёж небес: в нём нет места ни жалости, ни лишним звёздам.

Анастасия

Мария!

Военный

Дождь, сверкающий и заострённый вглубь самого себя. Странно ли, что, выбирая поле для будущего сражения, поддаются влиянию величественности и красоты пейзажа. Тогда начинается день, называемый днём странным. Много причин, но ещё больше беспричинности.

Мария

Не знаю, что может быть голубее, чем чёрные края неба.

Анастасия

Недаром вечность отличается от мгновения - то цветом, то ничем.

Мария

Что вы сказали?

00047598

Военный

Простите, это шпоры. Они вечно выдают мои самые тайные мысли.

Анастасия

Удивительно: его голос похож.

Военный

Впереди - манёвры, битва и смерть. А то, пожалуй, и отставка.

Мария

Помнишь наше детство, пёстрое от множества цветов?

Анастасия

А это облако, оно откуда? И светлое упоминание о смерти?

Военный

От звука до дела один шаг. Например, от пенья шпор - до кавалерийской атаки.

Мария

Ты так и не ответила.

Военный

Нет, после всего сказанного меня не назовёшь немым... Но где же она?

Мария

Вот: прямизна, походка - всё указывает на её приближение.

Анастасия

Я ждала, но не услышала ни вопроса, ни дол-

00047598

гой ночной тишины.

Мария

Лишь голос, падающий с вершины молчания.

Анастасия

Мне странно в эти будущие дни.

Военный

Белый цвет идёт к любой паузе. Особенно к бесконечной.

Мария

Здесь слишком долго она отдавалась звуку любого прошедшего дня, когда он задевал на всём лету воздух. Дневные и ночные вечера, грозящие вот-вот прикоснуться. Что может быть резче, чем звук этих остановившихся крыш на всём лету остановившейся ночи?

Военный

Странно: шпоры задевают ответ.

Анастасия

Сколько кавалеристов, сколько улыбок сабельных!

Мария

Ответ беззвучнее, чем ранящий воздух или раненая тень.

Военный

Мне время всегда казалось отточеннее, чем не время.

00047598

Мария

Улыбка, слёзы - по обе стороны луча.

Анастасия

Какой ночной надломленный аромат у этих цветов! Чуть не протянула руку к багровым лепесткам.

Мария

Осторожнее! Тут каждое слово может оказаться каждой каплей.

Военный

Усы - это тоже часть амуниции, на ряду с отвагой и проч.

Мария

Ах, сколько дней! сколько живых и раненых!

Военный

Военный случай: случайный воин.

Анастасия

Что ближе - день или ночь?

Военный

Смотря что называть ответом.

Мария

Ну, например, ночной отрезок ливня.

Военный

В его прямизне я вижу сабельную кривизну.

Анастасия

Он кажется похожим на воина. При вспышках молний сходство усиливается.

00047598

Мария

Ты спрашиваешь вслух?

Анастасия

Вспышки всё ярче, а сходство всё прекраснее.

Мария

Это не день, чтобы изумляться ночному топоту. Он что-то говорил о кавалерии.

Анастасия

Ты вслух ответила.

Военный

Такой же ливень, даже более чугунный, ввиду мостов, ввиду перелетавших молний. Сначала ночь, за ней конница, за ней всё остальное. Было светло от сабель

Мария

Прислушалась: дождь, стремена и стоны.

Военный

Семьдесят новых, летучих взглядов - таков результат этого странного случая, заключавшегося в самом себе.

Анастасия

Кроваво-красные лепестки, утро, цветок без названия.

Мария

Не слышала, а то бы сказала, что ты права.

00047598

Военный

Тогда невозможно было вытянуть из крика ни той блестящей нити, ни того сверлящего сквозного дня. Военные ряды, смелые повороты, резкие обрывки ливня. Словно дым, колеблемый движением грозных кочевых времён. Впрочем, любимая музыка: наступательная.

Анастасия

Это и ваш любимый цвет?

Мария

Ответьте хотя бы в полголоса, в полцвета.

Военный

Всё становилось голубым - всё, что могло и не могло стать чёрным.

Анастасия

По зову трубы?

Мария

Ты этой ночью вдохнула столько звёзд!

Военный

Не слышу из-за сабель.

Мария

Её улыбка и долгий сверкающий край ночи. Дитя, пришедшее с своими временами, с своей судьбой. Вот-вот спросит.

Анастасия

Что это?

00047598

Военный

Никто не ожидал, а то бы ожидали все.

Мария

Последний поцелуй, прогрохотавший по тучам.

1974 г.

00047598

ЗУДЕСНИК

Мироздание начинается с четверга
(А. Кручёных)

Одна знакомая спросила меня об Алексее Кручёных: "Почему никто не знает его?"

А теперяки под заводом сидят
И не знают:
Вся затучная свеха
Мне отдана!!!

Вот что сказал по этому поводу сам Кручёных. Теперяки сидят и не знают.

Кручёных пишет, пьёт вино, любит женщин, играет в карты, в кармане у него крапленая колода.

Ночь застаёт его возле утреннего луча.

Божество создало в отдельности Велимира Хлебникова и Алексея Кручёных, чтобы не соединить их в одном лице.

Они знакомятся. Хлебников пишет из Петербуга Н. В. Николаевой: "... я имею удовольствие видеть каждый день Кручёных".

Добывая из воздуха то стихи, то жесты, то несколько ниток звёзд, играя ночь напролёт, Кручёных...

Его секунды так сверкающе-грозны! Он разрезает поток времени, как вставшая поперёк острая глыба.

То вдруг обидится, как ребёнок.

Ночь, пустыня, запинающийся свет звёзд. Хлебников писал о нём:

Вы очаровательный писатель,
Бурлюка отрицательный двойник!

Отрицательный двойник самого Велимира.

Они в разных концах России. Божество, создавшее их, ранит себя, стихи сочатся двумя потоками, смешиваясь с раздавленным стеклом секунд.

Звёзды умирают, чтобы, наконец, научить не бояться смерти.

Страшен только первый гудок крови
Мы потом её смакуем как терпкое вино!

Это Кручёных.

С подоконников, со звёзд - отовсюду льётся свет ночи.

00047698

А-а-а!.. жадно есть начну живых
Законы и пределы мне ли?!

Это Кручёных - а кто же ещё?

Я видел его беззубым, старым, в выцветшей тюбетейке, великим.

Вино превратилось в уксус, он разогревал его на огне, пил и говорил: "Велимир любил запах муравьиного спирта".

Он сказал мне о моих стихах: "Я пишу такие же, но рву их".

Когда он вдыхал воздух, воздух замирал на мгновение.

Он написал мне на подаренной книге: "Держитесь прозы!"

Завтра же эти стены вновь станут каменными и неживыми.

Он мне рассказывал о своих выступлениях в "Стойле Пегаса" у Сергея Есенина: "Обычно чтецы-поэты подкупали официантов, чтобы те не гремели посудой во время их чтения. Я же никого не подкупал, я читал так, что никакой посуды и никакой сволочи слышно не было!"

Он осторожно коснулся своей старой груди (81 год!)и сказал: "Я лучше всех в Москве читаю стихи!"

Зудесник!

Были времена, когда оба создания Божества сходились для совместной работы, были соавторами.

Игра в аду и труд в раю -
Хорошеуки первые уроки.
Помнишь, мы вместе
Грызли, как мыши,
Непрозрачное время -
Сим победиши!

(В. Хлебников "Алёше Кручёных")

Многим недоступен Кручёных: теперякам и нетеперякам, поэтам и непоэтам. Но главное, что его поэзию любил Хлебников, Маяковский, Пастернак, Хармс и Введенский.

Главное, что его поэзию любилю я.

У поэзии Кручёных вкус свежей, только что зарезанной вечности.

Он заболел, умер. Когда он лежал, умирающий, белые больничные занавески на окнах казались ему листами чистой бумаги.

Он промолвил, указывая взглядом на своих соседей по больничной палате: "Я здесь со всеми сроднился"...

О, эти слова умирающего Кручёных! Какое молчание наступило за ними!

00047698

В одной из ночных времябоен, то-есть в подворотне, я столкнулся со странной фигурой. Женский голос спросил:

- Что это, час или минута?

Мне стало так странно, словно я оглох или, наоборот, впервые увидел свет. Я вымолвил:

- Теперь это уже ни то, ни другое... А что, это Мясницкая?

- Да. Вот дом, где жил Алексей Елисеевич Кручёных.

- Откуда вы про него знаете? Простите меня, я удивился, чтобы не окаменеть.

- Я была с ним знакома. Он часто приглашал меня к себе. Мы сидели рядом на его сундучке. Он ладонью гладил мне голову.

Это была Н. После она исчезла, а я исчез ещё раньше.

Моя первая встреча с Алексеем Кручёных произошла в июле 1966 года.

Его девизом было: выжить во что бы то ни стало!

в лицо плюют карболкою напрасно -
как будто пухну от ядопоя
и пистолета выстрел
застенчиво гаснет!...

И победил.

... мне ж смерти нет
и нет убоя!

Делает усилие, чтобы вдохнуть в себя всю стену воздуха разом. Ночная стена.

Больно мне, больно
Опереться горлом
На турецкую фисташку!

Каменный угол неба, отшлифованный локтями и подоконниками. В своей каморке, набитой и заваленной книгами, Кручёных бесшумно сопровождал свою тень - грозный поэт.

Свет звёзд доставался ему даром. Он любил получать даром.

Над землёй будун
Кувыркаль
Хохочьюк хохочущ
XXIV века
Я смеюн!

Ольга Розанова любила его.

Москва 72 г.

00047598

ПЕРЕЧЕНЬ ОПЕЧАТОК В КНИГЕ *ОШИБКА ЖИВЫХ* 1976

страница:	напечатано:	следует читать:
22.19	спросил как-то Н.И.Вологдов	спросил меня как-то Н.И.Вологдов
23.10	неразимному	неразумному
27.11	позолеченные	позолоченные
27.12	оживный портрет	оживший портрет
28.14	нам ум	наш ум
35.14	сейчас погремит час	сейчас прогремит час
41.22	сливается с темноты	сливается с темнотой
67.5	изучать	изучить
72.3	на ногой	па ногой
76.2	крашения слеза	крашеная слеза
112.23	мы сказали	мне сказали
116.2	это не сказал	это он сказал
139.5	ожесточённые	ожесточённее
139.35	посох и слёз	посох из слёз
143.8	как и раны	как у раны
143.9	с темноты	с темнотой
148.36	понравил	поправил
151.17	его взгляд сопровождать	его взялся сопровождать
178.7	не паступите	не наступите
190.23	темнота взята	темнота взяла
195.14	нет, отозвали	нет, отозвался

00047598

ОГЛАВЛЕНИЕ

Загадочный мир Владимира Казакова (Б.М.) 5

Стихотворения

"весна - ..." 16
Репетиции 17
Выставка мод 18
Вечерняя служба 19
Птица 20
Пленник 21
Тюрьма 24
"сказал себе, но не ответил, держа за..." 25
Лесовик 26
Окно 29
Полдень 30
Этап 31
Магадан. порт 32
Часы 33
Наступление весны 34
Прогулка в парке 35
Провинциальный дождь 36
Офицер 37
"осенний дождь полуослепший..." 38
Мария 39
Осеннее утро 40
Начало весны 41
Вечерние сумерки 42
"вода встречает звук безглавый и рез..." 43
Набережная 44
"ждёт утро, серея над кровлей,..." 45
Корабль 46
Прогулка 47
Баллада 48
Беглецы 49

00047598

"Мария..." 51
Лесные развалины 52
"Маня помнишь мы бывало..." 55
"ярый враг овечьей шерсти..." 56
Кругол 57
"вы помните ли вы..." 61
"весна!..." 62
Поединок 63
"роман в стихах писать я начал..." 64
"кто ты что лицо с себя сдираешь..." 65
Мгновение 66
Зимняя ночь 67
Импровизация на тему: отцы и дети 68
Набережная 1 70
Набережная 2 71
Набережная 3 72
Набережная 4 73
"ночь была. кудрявый воздух..." 74
Провинциальный бал 75
Паровоз 78
Торг 81
Таблица умножения 83
Дитя 84
На бал 85
Мадлон 86
Смерть князя Потёмкина 87
Барбадосско-русский словарь 88
"был бал графини и маркизы..." 89
Прекрасное зачёркнутое четверостишие 90
Стол 91
Отторжение 92
Предсказатель 93
Рисование 94
"сон делится на 19..." 95
Алёше Казакову 96
"что может быть прозрачнее..." 97
"сумрак..." 98

00047598

"дочь фонаря..." 99
"иззавсево кагада-та..." 100
"огонь кивает..." 101
"импровизация..." 102

Поэмы

Монастырь 106
Горшки 114
У окна 119
Кавказский корпус 123

Драмы

Врата 148
Окна 157
Отражения 170
Тост 179
Изваяния 185
Случайный воин 195

Очерк

Зудесник 206

Перечень опечаток в книге *Ошибка живых* 1976 209

00047698

ARBEITEN UND TEXTE ZUR SLAVISTIK
HERAUSGEGEBEN VON WOLFGANG KASACK

1 Sabine Appel: Jurij Oleša. "Zavist'" und "Zagovor čuvstv". Ein Vergleich des Romans mit seiner dramatisierten Fassung. 1973. 234 S. DM 24.-

2 Renate Menge-Verbeeck: Nullsuffix und Nullsuffigierung im Russischen. Zur Theorie der Wortbildung. 1973. IV, 178 S. DM 18.-

3 Jozef Mistrík: Exakte Typologie von Texten. 1973. 157 S. DM 18.-

4 Andrea Hermann: Zum Deutschlandbild der nichtmarxistischen Sozialisten. Analyse der Zeitschrift "Russkoe Bogatstvo" von 1880 bis 1904. 1974. IV, 198 S. DM 20.-

5 Aleksandr Vvedenskij: Izbrannoe. Herausgegeben und eingeleitet von Wolfgang Kasack. 1974. 116 S. DM 15.-

6 Volker Levin: Das Groteske in Michail Bulgakovs Prosa mit einem Exkurs zu A. Sinjavskij. 1975. 158 S. DM 18.-

7 Геннадий Айги: Стихи 1954 - 1971. Редакция и вступительная статья В. Казака. 1975. 214 S. DM 20.-

8 Владимир Казаков: Ошибка живых. Роман. 1976. 201 S. DM 20.-

9 Hans-Joachim Dreyer: Petr Veršigora. "Ljudi s čistoj sovest'ju". Veränderungen eines Partisanenromans unter dem Einfluß der Politik. 1976. 101 S. DM 15.-

10 Николай Эрдман: Мандат. Пьеса в трех действиях. Редакция и вступительная статья В. Казака. 1976. 109 S. DM 15.-

11 Karl-Dieter van Ackern: Bulat Okudžava und die kritische Literatur über den Krieg. 1976. 196 S. DM 20.-

12 Михаил Булгаков: Ранняя неизданная проза. Составление и предисловие Ф. Левина. 1976. 215 S. DM 24.-

13 Eva-Marie Fiedler-Stolz: Ol'ga Berggol'c. Aspekte ihres lyrischen Werkes. 1977. 207 S. DM 20.-

14 Christine Scholle: Das Duell in der russischen Literatur. Wandlungen und Verfall eines Ritus. 1977. 194 S. DM 20.-

München . Verlag Otto Sagner in Kommission

00047598

ARBEITEN UND TEXTE ZUR SLAVISTIK
HERAUSGEGEBEN VON WOLFGANG KASACK

15 Aleksandr Vvedenskij: Minin i Požarskij. Herausgegeben von Felix Philipp Ingold. Vorwort von Bertram Müller. 1978. 49 S. DM 8.-

16 Irmgard Lorenz: Russische Jagdterminologie. Analyse des Sprachgebrauchs der Jäger. 1978. 556 S. DM 60.-

17 Владимир Казаков: Случайный воин. Стихотворения 1961 - 1976. Поэмы. Драмы. Очерк »Зудесник«. 1978. 214 S. DM 24.-

18 Angela Martini: Erzähltechniken Leonid Nikolaevič Andreevs. 1978. ca. 300 S. DM 30.-

München . Verlag Otto Sagner in Kommission